

INSPIRIA

АННА
СОЛОМОН
УТЕРЯН-
НАЯ
КНИГА
В.

 INSPIRIA

Анна Соломон
Утерянная Книга В.
Серия «Novel. Серьезный роман»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63616646
А. Соломон. Утерянная Книга В: ООО «Издательство «Эксмо»;
Москва; 2021
ISBN 978-5-04-117548-1

Аннотация

Лили – мать, дочь и жена. А еще немного писательница. Вернее, она хотела ею стать, пока у нее не появились дети. Лили переживает личностный кризис и пытается понять, кем ей хочется быть на самом деле.

Вивиан – идеальная жена для мужа-политика, посвятившая себя его карьере. Но однажды он требует от нее услугу... слишком унижительную, чтобы согласиться. Вивиан готова бежать из родного дома. Это изменит ее жизнь.

Ветхозаветная Есфирь – сильная женщина, что переломила ход библейской истории. Но что о ней могла бы рассказать царица Вашти, ее главная соперница, нареченная в истории «нечестивой царицей»?

«Утерянная книга В.» – захватывающий роман Анны Соломон, в котором судьбы людей из разных исторических эпох

пересекаются удивительным образом, показывая, как изменилась за тысячу лет жизнь женщины.

«Увлекательная история о мечтах, дисбалансе сил и стремлении к самоопределению». – People Magazine

«Неотразимый, сексуальный, умный... «Апокриф от В.» излучает энергию, что наверняка побудит вас не раз перечитать эту книгу». – Entertainment Weekly (10 лучших книг года)

«Захватывающий, динамичный, мрачный, сексуальный роман. Размышление о женской силе и, напротив, бессилии». – The New York Times Book Review

«Истории, связанные необычным образом, с увлекательными дискуссиями поколений о долге, семье и феминизме. Это дерзкая, ревизионистская книга, базирующаяся на ветхозаветных преданиях». – Publishers Weekly

Содержание

Часть первая. Изгнание	6
Бруклин. Эсфирь для детей	6
Вашингтон. Перед царским пиром	9
Сузы. Эсфирь, красивая станом и пригожая лицом	17
Бруклин. Вторая жена	37
Вашингтон. Омовение	50
Сузы. Омования посерьезнее	62
Вашингтон. Одним миром мазаны	74
Бруклин. Другая вечеринка	87
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Анна Соломон

Утерянная Книга В

Anna Solomon
The Book of V

© 2020 by Anna Solomon

© Заславская А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. Издательство
«Эксмо», 2021

* * *

*Моей матери, Эллен Рейчел, и для моей дочери,
Сильвии Ризы*

*Я всегда сожалела о том, что Ваити по
недосмотру историков исчезла так внезапно...
Элизабет Кэди Стэнтон. Женская Библия*

Часть первая. Изгнание

Бруклин. Эсфирь для детей

– Закрой книжку. Закрой. Вот так. Теперь послушайте. История простая. Давным-давно в Персии царь выгнал царицу. Она не захотела прийти к нему на пир и показаться перед всеми – да еще, говорят, и голой! В общем, разгневался и выгнал царицу или велел казнить. Никто не знает, как было дело. Она просто исчезла. Вашти. Так ее звали. Потом царь опечалился и решил взять другую жену, а для этого созвал юных дев добиваться его расположения. Кто такие девы? Дева – это девушка. Или женщина, незамужняя, скажем так. Ну вот, девы пришли, раскрасив лица, намазавшись ароматными маслами. А царь выбрал ту, что вовсе не старалась ему понравиться... может, только губы слегка подкрасила, или что они там делали в те времена. Эсфирь. А еще она была еврейкой, только об этом никто не знал. Да, очень хорошенькая. Нет, не как принцесса. Она была сиротой, и о ней заботился дядя, который попал в беду, отказался поклониться царскому советнику, а тот ужасно разозлился и решил убить всех евреев. Потом и вовсе начался кавардак, но это сейчас не важно, да и рассказывают все по-разному... и вообще, я страшно устала от этой книги, давайте ее отло-

жим. Мне нужно передохнуть.

Так вот, новая царица – очень храбрая, она входит к царю без приглашения, а это страшный проступок – помните, что стало с первой царицей, когда та посмела перечить? А Эсфирь идет и просит пощадить ее народ. Тогда царь, который только что готов был убить всех евреев, страшно разозлился на советника и велел его казнить! Ну, и еще он решил, что советник полюбил царицу, вот как папа любит маму, и за это тоже прогневался.

Запутанная какая-то история. Пора расстаться с этой книжкой. С чего только я взяла, что она простая, да и читаем мы ее по два раза на дню целый месяц – сколько можно, хватит уже. Просто запомните: вторая царица, Эсфирь, – героиня. Остальное не имеет значения.

Лили швыряет книжку из детской в коридор. Библейский сюжет, адаптированный для детей, но даже в таком виде его трудно понять – куча «дыр» в сюжете и противоречий. Потом, когда девочки уснут, Лили засунет книжку в контейнер для мусора на переработку, а позже, признав, что с переработкой не выйдет, запихнет в мусорное ведро на кухне. Может быть, к этому времени вернется с работы ее муж. Он заместитель директора по программе помощи Руанде в крупной благотворительной организации. Лили – его вторая жена.

– Завтра, девочки, мама будет учиться шить. – Лили укладывает дочек на их двухъярусной кровати. – Сошью вам кар-

навальные костюмы на Пурим. Помните? Все одеваются в костюмы и разыгрывают представление, а зрители ругают злого советника и аплодируют Эсфири. Не знаю, что стало с Вашти. В книге не сказано... Ну, ложитесь. Если не хотите быть Эсфирью, скажете мне завтра. Иначе будете играть ее, как остальные девочки. Спокойной ночи, приятных снов. Люблю вас больше всего на свете. Тсс! Закрывайте глазки, и хватит болтать! Спокойной ночи...

Вашингтон. Перед царским пиром

Эта история произошла во время правления Ричарда Никсона, президента пятидесяти штатов, от южных островов Флорида-Кис до Алеутских на севере. На пятый год его президентского срока, когда в Вашингтоне разгорался скандал, закончившийся для первого лица отставкой, всем остальным слугам народа негласно дозволялись немалые вольности. Атмосфера легкого безумства охватила сонную твердыню столицы – тянуло отвлечься, и аппетит к горячительным напиткам и женскому обществу достиг высот, неслыханных даже для тех лет. Всюду устраивались парадные обеды; скандальчики, интриги и другие безобразия прокатились по домам власть предержащих мужей. Домам с тяжелыми бархатными шторами от пола до потолка, диванами итальянской кожи и роскошными коврами из овчины. С винными бокалами тончайшего стекла и бокалами для напитков покрепче – размером с увесистый кулак. Что же касается спиртного, правило гласило одно: «Пей!»

Одним из таких мужей был Александр Кент, сенатор от штата Род-Айленд. Он закатывал не меньше пяти вечеринок каждый месяц, выставляя на всеобщее обозрение свой дом, жену и безупречный выбор шотландского виски. На пятую вечеринку в том месяце, надолго ставшую последней, сенатор, кроме коллег и инвесторов, с которыми водил дружбу,

пригласил и особо важного гостя. Гость этот владел капиталом неясного происхождения, но в Род-Айленде был известен как наследник семейной империи предприятий по производству чемоданов. Сенатор пригласил его побеседовать на щекотливую тему: прошел слух (и только лишь слух, как он надеялся), что на следующих выборах Чемоданник намерен поддержать его оппонента.

А потому для той вечеринки сенатор заказал живую музыку, распорядился включить в меню гребешки и моллюски, приготовленные в раковинках, и добавил одну пикантную деталь – вторую вечеринку наверху, только для женщин. Из его объяснений супруге следовало, что это в духе старых традиций и в то же время свежо, консервативно – и в то же время ново, комфортно – и в то же время увлекательно. И позволит сенатору спокойно побеседовать с Чемоданником. Впрочем, кое о чем он жене не рассказал: во времена, когда Кент носил фамилию своего отца, О'Керни из графства Оффали за океаном, будущий сенатор был знаком с женой Чемоданника.

Его жена Ви, урожденная Вивиан Барр, дочь покойного сенатора Барра от штата Массачусетс, внучка губернатора Фитча из Коннектикута и правнучка не самой громогласной, но деятельной суфражистки (все родственники, хоть и почтили, внесли свой вклад в оплату расходов на вечеринку), запротестовала – такое разделение не в духе Поправки о правах женщин, которую Род-Айленд ратифицировал год назад,

а сенатор Кент поддерживает, согласно его же избирательной программе.

Разумное замечание. Сенатор выдвинул контраргумент в виде массажа ступней супруги – неслыханная редкость, – и Ви сдалась.

И вот в погожий денек второго ноября тысяча девятьсот семьдесят третьего года сенатор Кент, закончив дела государственной важности, вернулся в дом, кишачий официантами и уборщиками, барменами и флористами, а в глубине, на кухне (в старинных жилищах для знати Джорджтауна кухня располагалась в темной задней части дома), обнаружил жену на четвереньках, вытирающую что-то старым пляжным полотенцем.

То самое полотенце со спиральным красно-бело-синим рисунком, линялое и потрепанное, но еще по-праздничному яркое, сопровождало их со времен студенческого общежития, где они познакомились. Его не выбрасывали из сентиментальности и до сих пор использовали для всяких грязных дел. Любимое полотенце сенатора. Он наступает на него, коснувшись носком ботинка руки жены.

– Извините, – говорит официантам, скачущим вокруг, будто блохи, и они испаряются.

Сенатор закрывает створчатую дверь на крючок:

– Ну, здравствуй.

Жена медленно поднимает на него взгляд из-под растрепанной челки, вырез блузки распахнут так, что видны очер-

тания бюстгальтера.

И хотя все это – бюстгальтер, полотенце, ее затуманенный взгляд исподлобья – кажется Алексу хитростью, конечная цель которой – соблазнить его, на самом деле Ви едва движется от усталости, навалившейся за день подготовки, дел по списку, указаний и расчистки второго этажа под дамскую вечеринку, которую она и устраивать-то не хотела. Волосы лезут в лицо, потому что Ви не успела принять душ, а распахнутая блузка – вовсе не блузка, как показалось Алексу, а старая растянутая футболка с концерта «Jefferson Airplane», на который Ви ходила с подружками сто лет назад, задолго до того, как у них с мужем все стало серьезно.

– Вставай, – говорит он.

– Мне чуть-чуть осталось.

– Тогда я к тебе.

Она улыбается, догадавшись:

– О нет.

– О да.

– Уже почти пять.

– Я знаю.

– Но гости...

– ...еще не на пороге.

Он опускается рядом и начинает расстегивать ей джинсы:

– Алекс...

– Ви...

– Алекс. – Она переворачивается и отодвигается. – Не на-

до. Я вчера таблетку забыла.

Он ползет за ней на коленях, смеясь:

– Какую таблетку?

– Ш-ш-ш. – Ви показывает глазами на дверь.

Он ухмыляется и повторяет громким шепотом:

– Какую таблетку?

– Ту самую.

Она ждет, что он встанет, и выйдет, и будет холоден с ней, как когда-то отец с ее матерью, а дед – с ее бабушкой. Они вернутся к этому разговору завтра, когда вечеринка пройдет с огромным успехом. Но Алекса не остановить! Он – самый молодой сенатор в конгрессе США, хоть и не избран официально, а назначен губернатором после смерти сенатора Уинтропа. К тому же Алекс пользуется популярностью и, скорее всего, на следующий год закрепится в должности, если не случится чего-то непредвиденного, вроде поддержки противника от Чемоданника. Сегодня он с блеском выступил на своей первой большой пресс-конференции, а Тед Кеннеди объявил, что готов стать соавтором его законопроекта. После Алекс покинул конгресс едва не вприпрыжку и пешком прошел четыре мили до дома, по дороге заскочив отдать дань уважения господину Линкольну. Сегодня сенатор в ударе и, надо сказать, возбужден. Он толкает Ви обратно на пол, хватая за запястья и раздвигает ей ноги коленом. Шепчет на ухо:

– Мы ведь хотели детей.

За дверью слышны шаги. Ви кивает. Там, где он касается ее коленом, разливается тепло, как импульс, который Ви не контролирует. В голове крутятся бессмысленные слова: «Да, но, может, не прямо сейчас...»

Она осмелилась произнести их только у врача, и даже тогда отвела глаза, а лицо у нее пылало. Это было несколько месяцев назад, когда Алекс перестал предохраняться. Они и так ждали дольше многих друзей из-за его карьеры, но теперь, считает Алекс, с ожиданием покончено. Ви двадцать восемь, она думает, не потянуть ли еще, до двадцати девяти или даже до тридцати, без особых причин и аргументов. Просто подождать, прислушаться к голосу внутри, который кричит: «Жди!»

Снова шепот на ухо:

– Мы же собирались делать детей? Вот и полотенце – вытирать, когда срыгнут. Ты бы подшила края немного, чтобы было посимпатичней.

Шарканье за дверью становится громче. Ви говорит самым мягким, нежным голосом, на который способна: «Продолжим вечером». Но он расстегивает ремень, и вот она уже на полу, Алекс входит в нее, и Ви не сопротивляется – не потому, что каким-то там женским естеством хочет ребенка (не хочет), и не потому, что сопротивляться бессмысленно (насилие в браке, если это оно, де-юре еще не существует), а потому, что он ее не слушает и его сила заводит. Как только все закончится, она себя возненавидит. Со стыдом будет думать,

что сказали бы в женской группе, куда Ви ходит раз в месяц. Но сейчас ее удовольствие от собственной беспомощности усиливается с каждой секундой, и поскольку на последнем собрании группы было неслыханное – лекция о женском оргазме, – теперь, когда Алекс закончил, она заставляет его сделать кое-что из усвоенного. Хватает его руку и направляет. Вид у Алекса ошарашенный. Ви переставляет его пальцы. «Да, вот так», – говорит мысленно. Замечает, как удивление на лице Алекса сменяется недовольством, однако не останавливается. Вместо этого она двигает рукой мужа быстрее и отворачивается, чтобы не видеть его. Перед глазами у Ви то самое полотенце с выцветшими разноцветными полосами и путаницей ниток. «Черт возьми, надо подшить!» – думает она и закрывает глаза. Нужно сосредоточиться. Но в голове звенят девичьи голоса, в том числе ее собственный. Они повторяют то, что, храбрясь и подбадривая друг друга, говорили когда-то в колледже. «Невозможно заставить ту, что не сопротивляется». Им отвечают неодобрительным цоканьем другие голоса, из женской группы. Ви трясет головой и мысленно возвращается к руке Алекса и тайной точке между ног, но стоит сердцу забиться чаще, а мыслям – начать путаться, точка превращается в иглу, ушко ее поблескивает из швейного набора, подаренного бабушкой, когда Ви было десять. Острые иглы глубоко в поролоновой розовой подушечке, а сам набор – в дальнем углу ящика для белья, нетронутый много лет.

Ви почти отпускает руку Алекса. Отвлеклась. Ее поражение – его победа. Но она снова закрывает глаза. От Алекса исходит жар нетерпения, и Ви отдается этому ощущению, пока наконец тепло не разливается по всему телу, принося удовлетворение. После она выпроваживает мужа из кухни, вытирает полотенцем следы и впускает прислугу.

Сузы. Эсфирь, красивая станом и пригожая лицом

Представьте себе поселение – самое обычное, хотя кто знает, каким оно было на самом деле. Жар, песок и камни. Коричневые шатры. И снова песок. Босые ноги. Редкая трава, растущая в низинах, вырвана, из нее плетут лежанки. Темные влажные следы указывают путь к реке и обратно, до блеска вытоптанной копытами и босыми ступнями. Жителей – сотни, тысячи не наберется. Они высушивают красную речную грязь и получают глину, глину обжигают и делают кирпичи, а кирпичами выкладывают костровища. Однажды пытались построить стену, но бросили эту затею в тот же день – поняли, что, созданная для защиты, она может стать и ловушкой. Теперь их единственная стена – та, у которой с самого начала разбили лагерь. Круглая внешняя стена дворца, высотой с дерево, из розоватого камня, бесконечная, в какую сторону ни пойдешь.

Летом, когда солнце палит так, что вот-вот камни вспыхнут, а песок вдали будто дымится, жители встают рано и отправляются в путь. Идут медленно, оставаясь в тени, которую отбрасывает стена. Воду, утварь, младенцев несут на себе, трудятся на ходу и к закату возвращаются туда, откуда вышли. С каждым разом место, которое они покидают, после возвращения кажется чуть больше обжитым. Так лагерь

становится их частью. Не домом (не настолько они наивны), но местом, где они останутся, сколько смогут.

Одни охотятся, другие выращивают фрукты в рощах, до которых день пути. Кое-кто держит овец. Большинство остается в поселении – мастерят из глины утварь и продают на городском рынке. Кое-кто (таких очень мало) торгует напрямую с дворцом, как одна женщина, что делает ожерелья из косточек птиц, лис и кротов. Еще несколько человек колдуют, однако колдовство у них слабое – каждый раз, когда их изгоняют, оно слабеет. В былые времена колдунья могла за месяц вырастить раскидистое дерево, у ее внучки теперь на это уйдет полгода. И так во всем. Нынешнее поколение может разве что вырастить два желтка в яйце, свить веревку из песка или воды да вызвать чудище из реки.

С чудищем дела и вовсе странные. Иногда оно плюется настоящими персидскими монетами, а бывает, что фальшивками, и отличить их непросто. И все же чудище выходит на зов и делает вид, что подчиняется. Что есть, то есть. Такое уж оно у них. Фальшивые монетки закапывают в песок.

Здесь они прожили не один десяток лет, а может, и все сто. Порой двух мальчишек отправляют влезть на стену и привязать на зубчатый выступ полотнище. Другой край мальчишки сбрасывают вниз, и его растягивают, насколько хватит длины. Полотнище, сшитое из кусков ткани поменьше, крепят в песке с помощью ножей и веревок и наслаждаются в тени, пока стража сверху не перережет веревки и не сбросит

парусину вниз. Чаще всего это происходит через несколько минут, но иногда выпадает и несколько часов передышки. Много лет назад, когда провозгласили нового царя с царицей, а стражники валялись пьяные, удалось прожить в тени целую неделю.

Здесь их терпят. Чего не скажешь об остальных землях.

Как-то один мальчишка – ему еще и девяти не исполнилось – копал ямку, чтобы зарыть молочные зубы, да и наткнулся на фальшивые монетки от чудовища. Спутал их с настоящими и побежал тайком на рынок купить для матери ложку взамен той, что потерял у реки на прошлой неделе. Сестра тогда чистила ложки и складывала на берегу. А он всего-то хотел проверить, поплывет ложка или нет. Река подхватила ее и унесла с невероятной скоростью, и когда он, промокший до пояса, вылез на берег, ложка уже скрылась за поворотом вдали.

На рынке мальчик случайно зашел в лавку, которую держал перс, похоронивший своих родных. В его глазах светилась злость на весь мир, но мальчик заприметил ложку, кипарисовую, длинную, как его рука до локтя, точно как мамина, – ну разве тут уйдешь. Отец говорил, что у мальчика доброе сердце. Может, он и выбрал эту лавку для того, чтобы ее хозяин заработал немного и капельку подобрел.

Лавочник берет деньги, протягивает мальчишке ложку, и тот бежит к поселению, довольный собой. А через несколько секунд лавочник обнаруживает обман. Сжимает кулаки и

бросается за мальчишкой, однако его хватает за рукав жена. Она хорошо знает, на что способен супруг. И ее злоба так сильна, что в сравнении с нею лавочник – милейший человек.

– Мальчишка из лагеря, – говорит она. – Завзятый мошенник. Ты что, всего-то уши ему надерешь?

Вот тогда и началось. Лавочник собрал мужчин, и они ворвались в лагерь, как буря. Перебили горшки, затоптали огонь и умчались. Людей не трогали, даже не глядели на них. Будто и не было никаких людей.

Иудеи снимаются с места. Им не привыкать. Когда разрушители уходят (а теперь они приходят часто, раз или два в неделю, и всегда в разное время), снимаются с места, потом разбивают лагерь дальше вдоль стены. Будто вновь двигаются вслед за тенью. Теперь все по-другому: они не уходят далеко, но даже это дается нелегко. Заново ставят шатры, устраивают лежанки и разводят костры. Больше нет времени на то, чтобы обжигать горшки и делать бусы, чистить финики и полоскать бараньи внутренности. Одни говорят, что надо уходить – на восток или на запад, другие хотят выждать – персиянам когда-нибудь надоест, возражают они. По очереди прячут мальчика, который напортачил с монетами. Кое-кто говорит, что его следовало бы принести в жертву и выдать налетчикам, чтобы спасти общину. Их не слушают.

Мальчика зовут Иц. Его прячут под шкурами, в песке или у реки, за камнями, в грудях белья у женщин, которые только

делают вид, что стирают.

Отец мальчика, по имени Мардук, и без того был зол на мальчишку за излишнюю мягкость характера, а теперь вообще разъярился, потому что от сына никакого толка. Иц – его старший, остальным год, два, четыре, пять, шесть и восемь. Нынче сыну не прикажешь натаскать воды или пойти ухаживать за смоковницами. И сам Мардук часто туда ходить не может, надо восстанавливать поселение. А когда идет, находит плоды гниющими на земле и злится еще больше. Нанять бы соседского мальчишку, так ведь ему придется платить; да и просить о помощи Мардук не станет. Даже ту единственную, что могла бы помочь, нельзя взять с собой, и не потому, что она не умеет работать – умеет, уж получше девятилетнего мальчишки, – а потому, что страшно остаться с ней наедине. Ей семнадцать, она дочь умершего брата Мардука, которую он взял на попечение. Она – источник его праведного гнева и отчаяния, от которого кровь вскипает так, что больно на душе. Имя ей – Эсфирь.

Красота Эсфири – не из тех, что вне времени. В другую эпоху ее удлиненный нос, темные губы и сросшиеся на переносице густые брови не стали бы эталоном красоты. Однако ранним летом 462 года до нашей эры (а у Мардука нет другого времени, как нет ему пути ни в прошлое, где еще жив брат, ни в будущее, где девчонка повзрослеет и можно будет выдать ее замуж по всем еврейским обычаям, ни дальше – в другую эпоху) – тогда в ее чертах были и благород-

ство (тонкие, четкие контуры носа и скул), и чувственность (розовое свечение трепещущих век), и загадка (даже Мардук, прекрасно знавший о ее происхождении, порой задавался вопросом: *что же она такое?*).

И всего семнадцать! Да и расцвела поздновато, только теперь затуманила разум Мардука, воспламенила чресла, затмила жену, которая, между прочим, тоже хороша собой, по крайней мере раньше была. Лишь для детей Мардука Эсфирь – не угроза, а вторая мать, и терпения у нее больше, а усталости поменьше, чем у родной их матери.

Продать бы ее в рабство. Или убить. Мардук и любит ее, и ненавидит. Так он любил и ненавидел и брата, Харуна. Любимчик с трехлетнего возраста. Еще до пояса Мардуку не дорос, а уже с отцом в синагогу ходил. Они тогда жили в стенах города. Пока Мардук играл с шариками, Харун сам научился читать. К четырем годам говорил на трех языках, к пяти – от горшка два вершка! – читал наизусть Тору. А потом прославился на весь Васан, когда запротестовал против дорогостоящего ремонта старой синагоги и сам начал вести молитвы в бывшей конюшне. Всегда был мечтателем, даже после смерти жены мечтателем остался. Во время Четверодневного погрома тащил куда-то огромную связку книг и случайно свернул не туда... Разве может Мардук убить дочь брата или продать ее в рабство? Он и влезть на нее не может, хотя многие на его месте воспользовались бы. Но он хороший человек. Так говорит детям его жена, когда те бегут от оплеух

отца. И правда, плохой человек не вырастил бы такой прелестный, сладкий плод.

– Позволь пойти с тобой, – говорит Мардуку Эсфирь.левой рукой она режет инжир, правой держит ребенка. Эсфирь левша – в этом ее единственный недостаток, однако даже он разжигает в Мардуке плотоядную страсть.

– Помогу собирать, – продолжает она; видно, что искренне хочет помочь. В ее черных глазах – желтоватые крапинки, будто звезды в ночном небе.

Утонуть бы в них и укрыться там от соблазна ее тела.

* * *

Наступает день, который приносит ответ на все беды Мардука. Указ: собрать на состязание прекрасных дев! Доставить ко двору красавиц со всего царства! Царь выбирает новую царицу!

Что же произошло с прежней царицей (ведь и она пробыла на троне недолго) – Вашти? Этого никто не знает, уж в общине точно. Указ не для них. Но они не глухие. «Мы не глухие!» – кричит про себя Мардук. Его охватывает ярость – и тут же мысли проясняются. Как будто ком грязи вдруг обратился в прозрачную воду.

Эсфирь станет царицей Персии.

Ха!

Он понимает, что это невозможно. Еврейка, без роду-пле-

мени. А состязаться будет с девицами со всего света, даже из Греции. Скажи кому – засмеют.

И все же... Может, и ничего, что дело безнадежное. Может, стоит подойти к нему с практической стороны: Мардук отправит ее туда с корзиной инжира. Отборного, самого сочного и мягкого, чтобы аж слюнки текли, а царь не выберет Эсфирь, зато сделает Мардука новым поставщиком инжира ко двору. Откажется от старого продавца, а потом, в подходящий момент, Мардук расскажет царю про сына. (Станет ли царь беседовать с продавцом инжира? Мардук старается об этом не думать, иначе незачем все и затевать.) Он будет честен. Сознается, что мальчишка ошибся с монетой. Расскажет про мародеров. Царь из понимания (или хоть из любви к инжиру) прикажет остановить налеты. Иц спасен. А Мардук с продажи инжира за год накопит приданое и выдаст Эсфирь за ее возлюбленного, Надава.

Он вкратце пересказывает план жене. Настаивает на том, о чем раньше только ворчал. На Эсфирь одни траты. Девчонка слишком о себе возомнила. Сирота, а замуж собралась за парня из богатого (хоть и в прошлом) семейства, приданое им подавай. Еще и мамаша его величает себя натурой творческой и – вот изворотливая! – продает свои побрякушки во дворец. (Это мать Надава делает костяные ожерелья, она уже добилась того, чего так хочет Мардук.) Чтобы собрать приданое, Мардуку с Чурой дали год. Потом настанет черед другой девушки, сказали им. И девушку уже выбрали, а сына

считают помолвленным.

Жена должна его понять. Однако Эсфирь для нее как дочь. Когда Мардук заводит речь о состязании, жена смотрит на него с отвращением.

– Нет, – отвечает она. – Мы поклялись.

Он кивает с легким разочарованием, но чувствует и облегчение. Она решила за него, не оставила выбора.

На следующий день жена приходит к нему. Мардук стоит, подняв руки и потягиваясь после долгой работы (копали с соседом ров), и тайком наблюдает за племянницей, которая поодаль играет с детьми, катает их в бочке. Эсфирь наклоняется, и ее платье немного сползает, обнажая узкую темную спину. Восторженные детские крики ненадолго наполняют лагерь умиротворением. Мардук не замечает жену, пока та не хватает его за бороду и не поворачивает к себе. Под глазами у нее темные круги, они появились, когда Иц начал скрываться. Руки ее почти почернели от непрерывной работы с инжиром. Теперь на его чистку уходит больше времени, потому что приходится срезать все вмятины и гниль.

– Она хорошая девочка, – говорит жена сухо (значит, приняла решение). – Ее не обидят.

– Неужто? – Мардук едва сдерживает раздражение.

– Царицей ей не бывать, зато о ней позаботятся.

Мардук выжидает, чтобы убедиться, что жена точно решила.

– Это ведь хорошо, – добавляет она.

Неделю Мардук только об этом и думает. Он знает, что жена говорила о «ночных покоях», хоть и не сказала прямо. Не говорит и он. Ночными покоями именуют место, где живут царские наложницы. Друг Мардука, Джеби, рассказывал, будто там отвратительно – лабиринт извивающихся тоннелей, где к моменту встречи с царем мало кому из девушек удастся сохранить целомудрие. Если Эсфирь будет сопротивляться, ее там изнасилуют; даже если не будет, побоев ей не избежать. Мардук старается не думать, что может прийти в голову царю, оставшемуся без царицы. Сам себя уговаривает, что «покои» таковы, какими их представляет большинство в общине, – просторные и тихие, в них атмосфера праздности, музыка, фрукты и опухала. А может, жена ошибется и Эсфирь ожидает лучшая судьба. Может, ее просто отправят обратно, а Мардук станет продавать инжир во дворец.

Он смотрит, как племянница плетет халу. На этой неделе тесто без яиц (куры слишком голодны), и хала будет клеклая и жесткая. Но Эсфирь все равно старается изо всех сил, открыла рот от усердия, язык прижат к верхней губе, мускулы на руках танцуют.

Не может он ее отослать.

Мардук видит, как она поглядывает на Надава. В глотке нарастает жар, крепнет желание разорвать этих двоих на части, размозжить им головы.

Он не может не отослать ее.

Эсфирь отказывается. Никуда она не пойдет. Сама зарабатывает себе на пропитание, почему он не позволяет? Он что, утратил рассудок? На что царю Персии сдалась иудейская сирота? Он ее не выберет, это ясно как день, и что потом? Ну, понравится ему инжир, а дальше? Царь продаст ее в рабство или убьет. Дядя смеется и говорит:

– Ну, это вряд ли.

– Тогда что? Что? – спрашивает Эсфирь.

Но Мардук молчит, а тетя отводит глаза.

– Ладно, хватит, – говорит она и показывает на открытый вход в шатер, как будто в общине когда-нибудь скрывали семейные ссоры.

Иц смиренно лежит в углу. Он прятался в стирке у реки, но туда нагрянули персидские мародеры, перевернули корзины и бочки, и мальчика тайком привели к дому, спрятав за ворохом белья. Кожа его, когда-то смуглая, теперь словно позеленела. Эсфирь отвязывает полог шатра из красивой яркой ткани, сотканной в свое время тетиной бабушкой. Ткань падает вниз. Внутри становится темно. Вдруг ее осеняет догадка:

– Ночные покои!

Все молчат.

Сперва Эсфирь не верит. Ей хочется кричать, рассказать

им, как отец перед смертью учил ее читать, а мама пыталась научить колдовству, когда Эсфирь была совсем маленькой. Родителям мечталось, что она станет похожей на них – образованной, скромной, не будет жаждать высокого положения и богатства. Другими словами, лучше многих. Но тогда решат, что Эсфирь хвастается, а дядя будет только рад ее отослать. Не любит он ее. И как она раньше не понимала? Эсфири становится стыдно – за себя, за родителей. И она добавляет, тише:

– Не этого они желали.

Но и на это никто не отвечает.

Она топает ногой, и дядя дает ей пощечину.

* * *

Чуть позже Эсфирь сидит у реки с тетей, и та, напевая без слов, прижимает к щеке Эсфири холодную тряпку. Щека уже опухла, девушка чувствует тяжесть отека под кожей. Она ищет взглядом Надава среди шатров. Солнце садится. Вдали, на горизонте, видны красноватые всполохи заката на песке. Несколько женщин неподалеку закончили стирку и тащат мокрое белье в сторону поселения. Тетя перестает напевать и говорит:

– Не хотела я, чтобы до этого дошло.

– Сделай так, чтобы не дошло, – отвечает Эсфирь.

Тетя снова напевает. Смачивает тряпку в воде, выжимает

ее и вдруг опускает голову Эсфири себе на колени. Тетины прикосновения, как всегда, нежны и в то же время необычно резкие, и Эсфири грустно от этой резкости. Тетя всегда была добра к ней. Делила с ней лежанку, кормила, научила готовить. Когда у Эсфирь начались месячные, через несколько месяцев после того, как она пришла в их семью, тетя показала, что делать. Простая женщина, в отличие от Мардука, она не возненавидела Эсфирь за то, что та была другой. Теперь-то Эсфирь поняла про дядю все. Стыд от этой мысли усиливается. С тряпки стекает вода и попадает в рот. Эсфирь беспомощно глотает ее, думая, в ком еще могла ошибиться.

Что, если другие девушки одних лет с ней шепчут за спиной: никому не нужная безотцовщина? Что, если Надав, целуя, втайне насмехается над ней, а она, ослепленная страстью, и не догадывается? Что, если он насмехается над самой ее страстью, ведь она целует его в ответ – до помолвки? Что, если она расскажет, что придумал дядя, а Надав даже не удивится? Что, если гордость, которая досталась Эсфири от родителей, сделала ее слепой?

Тетя гладит ее по голове, и Эсфирь замирает. Так нельзя, зачем это она, ведь завтра от Эсфири избавятся. Но от прикосновений так хорошо, что она чуть смущается и остается ненадолго на берегу, прижавшись к тете, а потом еще ненадолго, потому что очень устала, а потом и еще. И вот Эсфирь уже дремлет. И тонет во сне. Она в реке – в реке из ее детства, когда они жили в городе. Она под водой, однако дышит, как

рыба, и видит в лучах солнца, пронизывающих воду, чьи-то ступни. Наверное, папины или мамины. Она плывет к ним, изо всех сил стараясь успеть, но тут раздается негромкий тетин голос, и впервые Эсфирь не верит ее словам:

– Не бойся. Ты красавица. Всякое бывает.

* * *

Это, конечно, неправда. Землю не превратить в воду. Нельзя (пока) поймать солнце. Нельзя убрать песок из пустыни, разве что ветер разметет – сегодня так, а завтра иначе.

Ночью Эсфирь не спит. Дядя сказал, что утром отведет ее к воротам дворца. Велел собираться, надеть лучший тетин наряд. В глаза не смотрел. Потом глянул, и что-то промелькнуло в его взгляде: сомнение или, может быть, страх. Буркнуло: «Причешись!» – и ушел.

Эсфирь ворочается. Сбрасывает покрывало, потом натягивает обратно. С обеих сторон от нее сопят девочки. В другом углу шатра, свернувшись как котята, спят мальчишки. Только Иц спит отдельно в углу, возле входа. Эсфирь смотрит, как он растянулся на лежанке, – до чего же длинный и тощий! Иц всегда был ее любимчиком. Он напоминает ей отца – тот был такой же задумчивый, вечно в своих мыслях, и кто там что говорил или делал, его совсем не заботило. В мальчике Эсфирь видела тихое благородство, которое проявится сильнее, когда он подрастет. На веревке для белья над

ним висит тетин наряд из муслина. В руке Эсфири выданный ей перед сном тетин лучший гребень из панциря черепахи. «Пожалуйста», – сказала тетя. А потом вернулся дядя, и сразу стало тесно, даже его дыхание сковывало, как путы. «Хадасса, – сказал он, называя ее иудейским именем, – не надо им говорить, какого ты племени».

Эсфирь фыркнула. Не ему указывать, что ей делать. «Что же сказать?» – «Может, они не спросят. Не спросят – не говори».

Она закрывает глаза. Вертит головой из стороны в сторону, как делала в детстве, чтобы поскорее уснуть, и мама ругалась, что волосы собьются в колтуны. Теперь Эсфирь специально вертит головой, чтобы колтунов стало столько, что никакой гребень не поможет.

Она трогает затылок рукой. Колтунов недостаточно. На цыпочках крадется к корзинке, в которой тетя хранит свои принадлежности: ножи, нитку с иглой, пилку. И ножницы. Эсфирь берет в кулак толстую прядь волос, медленно сводит ручки ножниц, чтобы не скрипели, и отрезает. Останавливается, только когда весь пол у ее ног усыпан волосами, а на голове остались лишь короткие вихры. Эсфирь касается торчащих ушей, шеи. Нет, и этого мало.

Выскользнув наружу, старается держаться поближе к шатрам. Уже совсем темно, видны только бледные полосы по краям неба. Неподалеку слышится движение, негромкое звяканье, и Эсфирь, затаившись, пригибается к земле. Это

ночная стража, свои, хотя как знать. Мужчины. Любой из них, заметив Эсфирь, оттащил бы ее обратно в шатер за ухо. А может, и что похуже, ведь она, оказывается, понимает так мало. Вдруг возьмут и заташат куда-нибудь, полезут под рубашку, воспользуются тем, что ей нельзя поднимать шум? Глотая слезы, она поворачивает в другую сторону. Они отрезали ей путь к шатру, где живет Надав. Эсфирь уже приходила к нему до заката, но не успела даже позвать, как вышла его мать («Его нет, ушел, соседские овцы...» – и тому подобное). Эсфирь не поверила. Не верит и сейчас. Но ей нельзя попасться, да и сможет ли она разбудить Надава, не разбудив его мать, и вообще не дело показываться Надаву с такой прической.

Эсфирь крадется к дворцовой стене, а оттуда медленно бредет вдоль, пока шатров не становится совсем мало. Здесь, у дальней (новой) границы лагеря с севера, есть еще один маленький лагерь, всего пяток шатров. В нем живут те, что колдуют. Даже раньше, в городских стенах, где все теснились вместе, колдуны селились отдельно, на дальней глухой улочке. Ее мать говорила, что так они сохраняют могущество, а их дети играют только между собой, чтобы потом, повзрослев, найти пару среди своих.

Матери Эсфири это было известно, потому что ее мать была одной из них, но покинула клан, выйдя замуж за чужака. А потом и мать Эсфири повторила ее путь, уйдя от своей матери, которая к тому времени уже знала, что от ма-

гии пользы женщине больше пользы, чем от любви. И все же дочь вышла за отца Эсфири, а когда Эсфирь родилась, мамина магия совсем ослабела. Когда мама рассказывала об этом, Эсфирь замирала, испытывая странное чувство. Как будто ей сказали, что у нее вырастет хвост, или есть тайное прозвище, или ей уготована особая судьба. Она старалась запомнить все – имена самых солидных и сильных в колдовстве семей, вроде Тулу или Ибрагим. Мама говорила о них со смесью уважения и восхищения. Только вот Эсфирь уже позабыла все, чему учила мама. Помнила только что-то про узелок, который та завязывала, не шевельнув и пальцем. Какой от него толк?

Эсфирь смотрит на шатры колдунов и злится на мать за то, что так легко отказалась от своей силы и стала простой швеей, а о будущем дочери и не подумала. В детстве мать порой клала руку ей на затылок и, взглянув на кучу одежды, которую надо было зашить, говорила: «Ну, поди». Как будто Эсфирь не могла не вернуться, и как будто мама всегда будет с ней. Еще до того, как мама заболела, Эсфирь предчувствовала беду. Она не знала других детей, может, дело было в этом. Бывало, она хватала маму за руки, впивалась ногтями, и та была вынуждена выгнать маленькую Эсфирь. Эсфирь мутит от воспоминания: большие мамины руки пытаются оторвать от себя ее детские ручки. Руки у матери были даже больше, чем у отца, и родители часто шутили об этом.

Небо над кучкой шатров светлеет. Эсфири жаль, что не

унаследовала хотя бы маминых рук, раз уж с волшебством не вышло. У нее самой руки маленькие и всегда мягкие, какую грубую работу ни делай, а мозолей не бывает. И Надав говорил – какие мягкие. Красивыми называл. Как-то раз даже легонько укусил за палец. Это поразило ее, и в то же время было приятно. А сейчас Эсфирь думает об этом, и ей становится страшно: красивые руки ее не спасут.

Она ползет на четвереньках к самому большому шатру, который принадлежит семье по фамилии Га-доль – самым почитаемым колдунам. Эсфирь поднимает полог и залезает внутрь.

* * *

Наутро Эсфирь с сотнями других девушек ждет у ворот дворца. С ней Мардук. Он больше не суетится и не хорохорится: съежился, руки за спиной, сгорблен, как старик. Утром, когда все проснулись, дети (кроме Ица, который все знал) начали смеяться над ее волосами. Тетя ахнула, потом схватила ножницы и попыталась привести в порядок то, что осталось. Мардук побагровел от злости. Через час они вышли из шатра, чтобы уйти тихо, как думала Эсфирь, ведь дядя не разрешил даже повидаться с Надавом и сказать ему, что ее отсылают. Внезапно Мардук повернулся в сторону шатров и завопил, как одержимый: «Я веду Эсфирь к царю! Мы будем избавлены от страданий!»

Эсфирь с ужасом смотрела, как все высыпали из шатров и слушали хвастливую речь Мардука. Мечтал продавать инжир – и вдруг заговорил о спасении своего народа?

Она отворачивается, чтобы не видеть его.

Почти все девушки пришли одни. Солнце стремительно встает, они ждут час, другой. Проходит три часа, но охрана по другую сторону ворот не двигается. Девушки начинают терять сознание. День жарче, чем накануне, самый жаркий за последнее время. Или так кажется из-за толпы? Откуда девушкам знать? Все боятся жаловаться громко, только шепчутся и вертятся. Звуки сливаются в общий гул. Эсфирь ставит на землю корзину с инжиром и разминает затекшие руки, трет полосы, которые остались на коже от ручек. На Мардука не обращает внимания. Прикасается к своему поясу, нащупывает кармашек, который пришила тетя. В нем гребешок и пузырек с краской для губ из граната. Эсфирь намерена выкинуть краску, как только откроются ворота. Швырнет ее под ноги, потом наклонится поднять корзину, да и рассыплет весь инжир, будто случайно, а на Мардука и не взглянет. Будет противиться всеми способами.

Внезапно ворота распахиваются. После стольких часов ожидания все поражены, девушки дружно ахают. Толпа напирает, Эсфирь подхватывает людской поток и несет, словно течение. Она понимает, что не сможет ни достать краску, ни выбросить. Не может и высыпать инжир – корзина крепко прижата к ее ноге. Мардук затерялся далеко позади. Толпа

течет вперед, сотни ног громко шаркают о камни, и в этом шуме Эсфирь различает, вернее, чувствует, как в горле рождается странный звук. Она напевает. Тетина привычка стремительно пускает в ней корни. Мотива нет. Эсфири важна вибрация, отражение ее сути, ее стержень; нужна сила.

Бруклин. Вторая жена

Пытаясь держать себя в руках и не паниковать, Лили напеваёт. Времени почти не остается, пора выходить, чтобы забрать старшую из школы, а в это время младшая швыряет в стену ботинки:

– Неть ботики, неть!

А ведь ботинки отличные, совсем новенькие, в отличие от большинства детских вещей: подарок от брата Лили, хорошенькие, теплые, из ярко-зеленой замши. Лили сама бы от таких не отказалась. Ей так и хочется сказать: «Будь у меня такие ботинки, я бы ими не швырялась!» Но она знает, это не поможет, да и не хочет давить на малышку. По рассказам Рут, матери Лили, бабушка Лили только и делала, что командовала, поэтому (тоже по словам Рут) Лили в детстве почти никогда не ругали. «Компенсация», – шутила мама, хотя ее мягкость давно улетучилась. Теперь Лили выросла, и мать ругает ее постоянно, пусть исподтишка, ведь Лили не оправдала маминых ожиданий:

«Надеюсь, тебе нравится не заниматься ничем, кроме де-тей».

«Да сколько же у тебя губок для посуды!»

«Ты в молодости была такая целеустремленная. А теперь... Тебе так лучше?»

Лили напеваёт, заглушая голос матери, – правда, напева-

ет любимую мамину колыбельную: «Мистер Лис собрался в путь...». Садится перед дочерью на корточки и пытается надеть ботинки, думая, что Розы сейчас, наверное, ведут в столовую в толпе других обиженных первоклашек, которых не забрали родители.

Тем временем малышка Джун никак не перестанет пинаться. Джун значит «июнь», такой теплый и мягкий месяц! Лили потеет. Она-то уже в пальто, шарфе и шапке.

– «Мистер Лис собрался в путь...»

Джун снова сбрасывает ботинок, Лили бросается его поднимать – и зря, потому что дочка тут же вырывается и бежит по коридору в ванную, где проделывает излюбленный трюк – стаскивает с себя футболку и бросает в унитаз.

– «По дорожке не свернуть...»

Лили скидывает пальто и бежит за Джун, внушая себе, что нужно выдохнуть и успокоиться, ничего страшного, никто ведь не умер, по крайней мере пока. Не война и не революция. Ну, посидит Ро чуток, погрустит, невелика беда. И опять будет сверлить Лили этим своим взглядом, будто насквозь видит. Ну и что? Подождет пять минут, не конец света, многим детям гораздо хуже, и вообще, надо воспитывать в детях стойкость, стойкость в современном мире – это...

– «...И луна ему светила».

Лили заходит в ванную и заставляет себя улыбнуться, чтобы не испугать малышку. Если та напугается, они вообще не выйдут из дома. Растягивает губы в улыбке. Однако Джун

на нее и не смотрит, она запуталась в футболке. И тут Лили совершает очередную ошибку – бросает взгляд в зеркало. Оттуда на нее смотрит лицо с ужасным оскалом. Лили тут же перестает улыбаться, снимает растянутую шерстяную шапку с жутким розовым помпоном, который нацепила, поддавшись на уговоры Ро. Вглядывается в зеркало. В мерцающем флуоресцентном свете ванной их съемной квартиры она больше похожа на страшную седую ведьму.

– «Мы в город Изумрудный идем дорогой трудной...»

Песенка сменяется одновременно с тем, как внутри у Лили происходит какой-то срыв, как будто время идет в одну сторону, а она – в другую. Лили тянется к малюсенькой косметичке. Малюсенькая она специально, чтобы девочки не считали косметику чем-то важным, хотя на самом деле косметики у Лили гораздо больше – спрятана в ящике для белья. Она наносит макияж, думая о других мамах, с которыми предстоит встреча сегодня после обеда на импровизированной «вечеринке» – специально для Лили, чтобы научить ее шить. Они не так уж хорошо знакомы, да Лили и не хотелось никакой «швейной вечеринки». Все это – затея женщины по имени Кайла, она услышала, как Лили в разговоре с матерью другой девочки после школы посетовала, что с радостью смастерила бы костюмы на Пурим для Розы и Джун, если бы умела шить. Просто мечта такая, как, например, прямые волосы или трехкомнатная квартира, из разряда «этому не бывать, да не больно-то и хотелось». Конечно, порой Лили

представляла себя возле открытого окна с шитьем. Как любая женщина, разве нет? Безобидная фантазия. Лили даже как-то попыталась разобрать ее в эссе о корнях образа вышивальщицы в поп-культуре, однако к оригинальным выводам и формулировкам не пришла. А в конце был длинный список использованной литературы, который она составляла с невероятным, почти безумным удовольствием.

Но шить самой?

И зачем она вообще это сказала? Просто хотела поддержать беседу, когда забирала младшую, а Кайла уже пригласила ее и остальных мам к себе. «Почему бы не устроить праздник. Я куплю вина и приготовлю закуски». И ведь приготовит, Лили знает наверняка, Кайла – из тех женщин, что всегда на каблуках, даже на детской площадке. Она и приглашения всем разослала (настоящие, на бумаге): «*Швейный фуршет!*»

Как же одеться на этот фуршет? Растянутые треники точно не подойдут.

Замазывая синяки под глазами, Лили замечает очередной седой волос на левой брови, выдергивает его и тут же чувствует угрызения совести – от волоса остался след, да еще и больно. На глазах выступают слезы, а Джун, которая успела снять футболку, но еще держала ее в руках, решила, что мама плачет. Она вытерла футболкой лицо, словно показывая Лили, как надо, и протянула ей футболку. Лили берет футболку, вытирает глаза и только тогда вспоминает, что уже

нанесла тональный крем. Бумажных салфеток под рукой нет – опять забыла купить.

– Ма-ам?

Господи, а времени-то сколько! За опоздания больше чем на пять минут школа берет «пожертвования»: по доллару за минуту, на оплату расходов. Это необязательно, ведь школа государственная, однако рекомендуется, если можешь себе позволить. Лили может, в том смысле, что это не последние деньги, у ребенка даже ботинки есть как подтверждение их богатства. Ну, опоздают они минут на двадцать? Пятнадцать долларов. Хватило бы на коктейль в приличном заведении или на тайскую лапшу на заказ плюс парочку рулетиков с начинкой, подгузники на месяц. Без малого одна шестая цены на стрижку в районе Парк-слоуп, Бруклин, где Лили и живет. Словом, и много, и мало, но если все время так опаздывать, наберется приличная сумма. Да и уважительной причины у нее нет.

Лили снова напевает, думая, как там Адам на работе. Как его молодежная сумка через плечо валяется где-то под ногами (не такими уж молодыми), а он обсуждает, руководит и дает добро на отправку дезинфицирующих средств людям, у которых нет ни унитазов, ни электричества. Словом, выполняет свои обязанности, чтобы приносить деньги в дом и двигаться по карьерной лестнице, ну, и помогать людям, конечно. Они с Лили пытаются копить на квартиру, чтобы не платить втридорога за съемное жилье, но, поскольку платят

втридорога за съемное жилье, с накоплениями не складывается – обычная история. А тут еще Лили то опоздает в школу, то схлопочет штраф за неправильную парковку – она в их семье отвечает за то, чтобы переставлять машину и не мешать уборке улиц. Вот от накоплений, и без того скромных, ничего и не остается.

Лили с Адамом уже говорили о том, что ей пора вернуться к работе. Однако все разговоры разбиваются о суровую реальность: зарплаты преподавателя на полставки (а большего ей в радиусе ста миль от Нью-Йорка не предложат) едва хватит на оплату няни. Это им хорошо известно, потому что Лили после рождения Розы недолго подрабатывала в колледже Вестчестера и как-то раз во время снежной бури вместо полутора часов возвращалась домой целых пять. И отдала десять процентов зарплаты на сверхурочные няни, да еще и мастит заработала. Потом, уже на седьмом месяце второй беременности, Лили пригласили для собеседования на постоянную работу, которую она будто бы хотела получить, – в ее «альма-матер», колледж Гринелл. Денег предлагали почти столько же, сколько Адам тогда зарабатывал, а учитывая дешевизну жизни в Айове, их доходы выросли бы раза в три. Но как только два дня непрерывных лекций, бесед, собеседований, деловых обедов подошли к концу, Лили, чувствуя, что справилась блестяще и, несмотря на нелепые «деловые наряды будущей мамы» (почти все слишком яркие и в оборках), произвела впечатление умной, ответственной и здраво-

мыслящей, поняла, что с преподаванием покончено. Узнав, что получила работу, она взяла сутки, чтобы принять окончательное решение, и отказалась еще до того, как сказала об этом Адаму. Тогда он залился краской и воскликнул: «Да ну! Серьезно? Поздравляю! Ты серьезно?!»

Он был очень рад, что не придется уезжать из Нью-Йорка, но переживал, потому что хотел видеть ее счастливой. «Ты уверена? – спрашивал он потом много раз. – Точно не пожалеешь?»

Матери Лили просто соврала. Сказала, что взяли другую. Рут возмутилась: «Все потому, что ты беременна! Засудить бы их».

Чтобы закончить разговор поскорее, Лили ответила: «Да, наверное».

– Мама, сиси!

«Сиси», то есть часы Лили, пищат. Ее первые электронные часы с 1984 года. Подарок от детей (на самом деле от мужа, он настоял, чтобы Роза и Джун выбрали модель, а сам взялся обучить Лили пользоваться многочисленными функциями).

Сколько они уже пищат?

И почему не пищали раньше? Ведь будильник должен был сработать полчаса назад? Она, наверное, неправильно выставила время, уже и считать разучилась... А может, вообще забыла завести, просто так совпало, что часы запищали сейчас, когда она должна подъезжать к школе. Ха!

– Ма-ам?!

Лили жмет на кнопки, и писк смолкает. Что с ней не так, почему она не способна решить простейшую проблему, которую сама же и создала? Она сама все это выбрала, никто не заставлял. Само собой, будь у нее денег побольше, а тяги к коктейлям поменьше, могла бы пойти на литературные курсы или выучиться на сценариста, попробовать записать все истории, что крутятся в голове. Зато дети здоровы, квартира в порядке (ни протечек, ни плесени), рядом парк, все сыты и не страдают ни от истощения, ни от побоев. С образованием у Лили, пожалуй, даже перебор. Она может купить все, что пожелает, может голосовать и делать аборты (на данный момент и в этом штате). Она замужем за мужчиной, который счастлив, когда счастлива она. А Лили с каждым днем яснее понимает, что большинство мужиков – полнейшее дерьмо: похищают и насилуют детей, продают маленьких девочек в рабство, подсыпают наркотики женщинам, лапают без спроса, совращают маленьких мальчиков и демонстрируют окружающим свои половые органы. Адам по сравнению с ними – просто святой. Например, если Лили и Джун на полчаса опоздают в школу к Ро и задолжают двадцать пять долларов, Лили признается мужу, а он тут же обнимет ее, поцелует и скажет, что ему хорошо, если ей хорошо. «Радуйся жизни. Нашим детям».

«Радуйся мне».

С первой женой, Вирой, у Адама не вышло. Она тоже ра-

ботала в группе оказания помощи, поменьше, и при любой возможности сбегала в страны, охваченные войной. Ничем другим заниматься не желала. Не хотела детей. «Не хотела быть женой», – сказал о ней Адам как-то.

Джун выхватывает у Лили футболку и бросает в унитаз. Лили отстраненно думает, как реагировать. Дать время успокоиться? Но ведь они опаздывают! Отшлепать? Нельзя... Продолжая думать о своем, Лили замирает у зеркала. Она бросила попытки накраситься и больше не напевает. Мысли перескакивают со швейной вечеринки и других мам к женщине по имени Вира, которую Лили ни разу не видела. Вира с безупречной смуглой кожей, плоским животом и копной черных волос. Неважно, что Вира тоже стареет, а может, передумала и родила троих. Для Адама и Лили она навсегда останется такой, какой ушла от него (по версии Адама). Какой он выгнал ее (версия Виры). Тридцать один год, и без детей. Ее кожа всегда будет свежей, а тело – упругим и подтянутым. Лили злится на себя, что ревнует к Вире, к ее вечной юности и к тому, что кажется Лили свободой и уверенностью.

Почему Вира до сих пор незримо с ними? Когда у Лили и Адама все только начиналось, они часто говорили о ней. Это казалось им смелым и мудрым, такое заявление, что они ее не боятся. Бывало, Адам рассказывал, а Лили верила, например тому, что со временем Виру стало злить все, что Адам делал. Его новая работа, которую она называла «очковти-

рательством». Каталог одежды, который Вира выбросила в знак протеста против дистрофичных моделей, а Адам достал обратно. Даже то, что он хвалил ее редкие попытки готовить традиционные индийские блюда по рецептам, доставшимся ей от матери, которые он действительно любил! Вира же обвиняла его в пассивной агрессии и желании запереть ее на кухне. Они все чаще ругались, и как-то Вира заявила, что замуж за Адама вышла, только чтобы позлить родителей, которые мечтали выдать ее за пятиуродного брата из Ахмадабада. И тогда он велел ей уходить. Не навсегда, конечно, он только хотел сказать что-то вроде «иди проветришься». Но тем все и кончилось. Вира ушла навсегда. Адам с Лили раньше любили шутить, что Вира – это Лилит, злая первая жена. И в самом деле, смешно: имя Лили так похоже на Лилит, а Адам – совсем как библейский Адам. Выходило, что Лили – это Ева, а это им обоим казалось сексуальным.

Они поженились и решили сразу завести детей. Им повезло, и через год родилась Роза, а Лили вскоре стала похожей на Виру с ее вечными перепадами настроения. Позже, когда Лили было уже сорок два, они попытались еще раз, и снова удачно – появилась Джун... Шли годы, и брак Адама с Вирой, продлившийся три года, уже не казался значительным, и имя Виры вызывало не смех, а чувство неловкости. Они давно вместе, о Вире больше незачем говорить. Лишь изредка ее образ ни с того ни с сего возникает на задворках сознания Лили, выхватывает из темноты страхи. Не слишком Ли-

ли бледная, растрепанная, уступчивая? Не слишком ли о себе возомнила? Вопросы Виры подозрительно похожи на вопросы, которые задает Лили ее мать.

Лили достает футболку Джун из унитаза и отжимает ее, чтобы не капало, локтем отодвигает занавеску для душа, кидает футболку в ванну и впервые замечает у себя на ладонях пигментные пятна. Она трет их, а Джун успевает выбежать из ванной в коридор и кричит: «Мамотька, один лазик!»

Лили хватается шапку, выскакивает из ванной и видит Джун с книжкой об Эсфири, которую та двумя руками держит над головой, как трофеем. Лили забирает книгу. Вчера от чертовой книжки не удалось избавиться из-за вахтера, который откопал ее в мусоре и утром принес обратно. Постучался к ним в дверь, жизнерадостный, в синей униформе. «Наверное, ваши девочки выбросили по ошибке!»

Лили захотелось заорать. Она ненавидит эту книжку, и не только потому, что ее подарила девочкам Рут, одержимая воспитанием в еврейских традициях (хотя сама не еврейка, евреем был давно умерший отец Лили). Не потому, что дочери на книге просто помешались. Книжка ненавистна Лили за то, что, пройдя три стадии восприятия – сначала было интересно, потом скучно, потом непонятно, – на четвертой она вдруг осознала, что героическая Эсфирь, как и сама Лили, – вторая жена.

Лили закидывает книжку в щель между диванными подушками. Завтра вечером, и ни минутой раньше, она ее до-

станет и даст матери, чтобы почитала девочкам. Рут приходит по четвергам, чтобы у Лили было время заняться собой. Хоть Лили толком не знает, чем занять эти часы. Чаще всего гуляет, в парке или по магазинам, трогает в задумчивости то, что продается. Почему-то в эти моменты ей одновременно и легко, и тяжело, а потом отведенное время заканчивается. Завтра стоит заняться чем-то полезным: купить все, что нужно на платья девочкам, попробовать стежки, которым ее сегодня научат.

Не обращая внимания на вопли Джун, Лили засовывает ее в коляску, насильно застегивает неудобные маленькие пряжки и выкатывает коляску наружу. Джун без футболки и ботинок, но они чудом добираются до лифта, и тут Лили вспоминает, что закинула вещи в стирку, и теперь мокрые простыни ждут ее в стиральных машинах номер один и номер три в подвале. Интересно, что управляющий сделает с ними на этот раз? Однако время бежит, в руках у Лили чистая футболка и ботинки Джун, собственное пальто и шапка, и – о чудо! – когда внизу дверь лифта открывается, они с дочерью в полной готовности. Джун ангельски улыбается, Лили выкатывает коляску на Восьмую авеню, залитую желтоватым зимним солнцем, и они сливаются с потоком женщин с колясками и детьми, которые спешат кто куда: в школу, из школы, в прачечную, в музыкальную школу, к врачу или на детский праздник. Мужчин на улице не видно. Только что наступил новый, две тысячи шестнадцатый год. Лили делает

вдох. Холодный воздух остужает ее, взмокшую от пота. На фоне ярко-голубого неба четко выделяются голые ветви деревьев. Никаких синяков под глазами у Лили не видно. Она спешит забрать дочь из школы. А потом пойдет на вечеринку. Будет учиться шить.

Вашингтон. Омовение

Из очевидных соображений Ви решает принять ванну, а не душ. Она не настолько наивна, чтобы думать, что можно избежать последствий, если хорошенько помыться, но попытка – не пытка. Кто знает? Ее мать верила, что забеременеть можно только при полной луне, потому что так она сама забеременела, а ведь была удивительно везучей. Вдоль побережья Новой Англии не нашлось бы места, где она не пила коктейлей, не ходила под парусами, не щеголяла в жемчугах и не полагалась на свою удачу, несмотря на все доказательства обратного. Другие женщины верят в определенные позы, спринцевание или вытравливание. И никто не знает точно, как все это действует.

Ви набирает обжигающе горячую воду, добавляет столько пены, что хватит искупать слона, залезает в ванну и, раздвинув ноги, пытается помочь воде попасть внутрь. «В вагину», – поправляет она сама себя. Так это настойчиво именуют в женской группе. «Вагина», – старательно повторяет Ви про себя, хотя слово ей отвратительно. Закрывает глаза и представляет, как вода разливается внутри, заполняя каждый уголок и каждую щелочку, смывая следы Алекса.

– Ты что делаешь?

Дверь распахивается, сильно бьется о раковину.

– Ви! Посмотри на меня.

Ви не двигается.

– Я принимаю ванну, – произносит она. – А из-за тебя сквозняк.

– До начала меньше часа.

– Знаю. Если бы ты на меня не набросился, я бы уже собралась.

– Да брось, тебе же понравилось... Ты вылезаеть или нет?

– Не знаю.

Ви погружается глубже, вода достает до ушей. Может, ей и понравилось, в конце... Но ребенка она все равно не хочет.

– Не вздумай мочить голову! У тебя только на укладку час уходит!

– Значит, обойдусь без нее, – отвечает Ви. – Зачем мне укладка, для кучки женщин?

Она шире раскрывает глаза, для выразительности, и думает о девушках из женской группы – онито обходятся совсем без укладки. Мало кто из них делает макияж, некоторые не носят бюстгальтеров, а женщины постарше, под сорок, даже не закрашивают седину. Сегодня у них собрание, которое Ви пропускает. Так почему бы не создать на вечеринке немного атмосферы женской группы? Если правду говорят, что стандарты красоты, которые поработают женщин, придумали мужчины, а на вечере у Ви будут одни женщины, почему бы им не прийти в джинсах или в домашних платьях и без причесок?

– Ви...

Она с головой уходит под воду. Голос Алекса звучит сверху, как сирена вдали, а Ви, все еще под водой, вспоминает свою давнюю подругу Розмари, которая круглый год живет в уютном старом доме у залива. Наверное, сейчас кормит ужином детей или набирает для них ванну. У Ви болит в легких, от внезапного приступа тоски о подруге ей вдруг становится страшно. Она резко поднимает голову из воды и видит Алекса, он вцепился в бортик ванны. Алекс наклоняется и говорит что-то про главу компании по производству чемоданов, как тот одержим пунктуальностью, что в Род-Айленде так принято, хотя ей-то откуда знать, она ведь из Массачусетса.

Ви хихикает, но мужу не до смеха. Раньше, когда Алекс еще не был сенатором, он мог посмеяться над собственными глупостями. Теперь же на нее льется целый поток поучений, вместе с кисловатым запахом изо рта. Ви сдается и поднимает на него взгляд, уже зная, что увидит кроме гладко выбритого подбородка, прямого носа и темных глаз: страх.

Он полагает, что достаточно, Ви все поняла и выходит, но тут же заходит снова, и дверь снова бьется о раковину. Ей хочется сказать мужу про эту дверь, смешно же, на ремонт ушло четыре с половиной тысячи долларов, а дверь в ванную нормально не открыть. Хочется, чтобы он посмеялся с ней вместе. В конце концов, ремонт оплачен деньгами ее семьи, как и квартира на Дамбартон-стрит, в трех кварталах от Висконсин-авеню. Ви знает – Алекс не любит об этом говорить.

Он все шагает туда и обратно вдоль ванны:

– Вылезай сейчас же. Не уйду, пока не вылезешь.

Бедный мальчик, думает Ви, царек, весь на нервах, и изо рта у него пахнет. Пожалуй, надо с ним помягче. Она встанет из воды, не стесняясь (пусть смотрит), и удивляется, как же просто дать ему то, что он хочет. Зачем же она усложняет? Зачем перечит и противится? Заставляет его трогать себя, как на кухне, если это ему противно? Зачем ей собрания женской группы? В первый раз ее туда заманила знакомая по колледжу Уэллсли, но потом никто не заставлял. Почему бы не стать как Розмари, которая не раздумывала, заводить ли детей, наверняка не устраивает таких заплывов в ванне и уж точно не пытается избавиться от беременности тайком от мужа. Милая и добрая Розмари, в ее хорошеньком домишке. Или как мать Ви, которая до самой смерти вырезала статьи из журналов для домохозяек, с заголовками вроде «Пять секретов идеальной глажки, которых вы не знали» и «Чем порадовать мужа». Последний заголовок встречался особенно часто...

Ви выбрала Алекса в мужа по причинам, которые и сейчас кажутся ей очевидными. Он умен, амбициозен, умеет пить и прекрасно целуется. Он мог дать ей все, к чему она привыкла, и навсегда. С ним она везде как дома. И ей это нравилось. Так почему бы не стать похожей на Розмари или на маму, не радоваться тому, что есть?

Разве все так просто? Словно отвечая на вопрос, Алекс громко сглатывает слюну. На мгновение Ви прогнала страх,

просто показавшись ему обнаженной. Она должна бы радоваться или гордиться. Так оно и есть, в какой-то степени. Над ним властвуют гормоны, а над его гормонами властвует она. Но что-то еще внутри Ви заставляет ее дрожать от злости и желания растоптать его: она ненавидит эту свою власть, которая на самом деле ни на что не влияет, она пассивна и унижительна. И себя ненавидит – за то, что все равно использует ее.

– Дай полотенце, – произносит Ви холодно.

Алекс приходит в себя и повинуется. Затем выходит проверить, все ли готово к вечеринке. Оставшись одна, Ви смотрится в зеркало. Сбрасывает полотенце и рассматривает белые груди, плоский живот, завитки волос на лобке. Сейчас они темные, а когда высыхают, становятся светло-рыжими, как волосы на голове. Талия у нее чуть полновата, а бедра узкие, из-за чего фигура кажется немного мальчишеской. Чем дольше Ви смотрит, тем неинтересней кажется ей отражение – тело, составленное из частей, у каждой свое назначение. Она разглядывает кости таза, круглые колени. Две ноги, по пять пальцев на каждой. На пальцах растут волоски, как трава на пригорке. Такого же цвета, как на лобке, на голове и в подмышках. Наверное, в носу и в ушах тоже; она не проверяла.

Ви запрокидывает голову и пытается рассмотреть собственные ноздри. Как ни странно, эти действия ее успокаивают: вот она перед зеркалом, как будто разобрана на запча-

сти, и бесстрастно изучает их. Может, потому, что это один из редких моментов, когда Ви разглядывает собственное тело, не думая о сексе, сексуальности и множестве проблем, которые они вызывают.

Она крутит головой, пытаясь повернуть ее под нужным углом к зеркалу, но грохот снаружи возвращает к реальности и обязанностями хозяйки. Похоже, уронили поднос со столовым серебром.

Ви переходит к активным действиям. Надеть зеленое платье, жемчуг... Бросает взгляд на часы. Алекс прав – времени мало. Она наливает себе чуточку бурбона и мысленно просит прощения у матери, у которой насчет выпивки было единственное правило: «Не начинай в одиночку». Ви одним глотком осушает бокал и начинает приготовления. Лосьон. Чулки. Новый бюстгальтер и пояс для чулок, для объема и стройности. Платье с молнией на спине, которую она застегивает до талии – Алекс зайдет позже и застегнет до конца. Ви отмечает про себя, что ему это понравится, на секунду задумывается, хочется ли ей, чтобы ему понравилось, и одновременно беспокоится из-за беременности. Закалывает волосы и садится за туалетный столик, трогает пудреницу и кисточку, берет из-под шкатулки с украшениями конверт. Ви открывает его, затем откладывает в сторону и пудрит лицо. Внизу кричат.

Она пудрится, не отрывая взгляд от конверта. Ви уже прочла письмо трижды, с удовольствием разглядывая округлый

почерк Розмари. Иногда Ви представляет, что дети Розмари такие же кругленькие и милые, как буквы в ее письмах и манера рассказывать: как Розмари купила новую стиральную машинку с сушилкой. Как новый знак остановки вызвал всевозможные волнения среди местных старейшин. Почти ничего необычного, письмо как письмо. Кроме одной тревожной детали, касавшейся мужа Розмари. Сама она, как и Ви, из судейской семьи. Детьми они ходили в одну подготовительную школу в Бостоне, окончили Уэллсли. А через неделю после выпуска Розмари вышла замуж за еврея – юриста Филиппа... Розенбаума? Ротенблюма? Вечно Ви забывает его фамилию; сколько бы писем ни отправила она Розмари, каждый раз приходится заглядывать в записную книжку. Так вот, этот Филипп по непонятным причинам согласился переехать с Розмари в дом на берегу, в консервативную протестантскую общину. Семейства Ви и Розмари, тоже протестантские, раньше проводили там лето. В общине имелись правила абсолютно для всего. В какой цвет можно красить дом (белый), а в какой – ставни (черный), высота забора, допустимый уровень шума, как стричь газон... И с тех пор как «вымерли» индейцы – кому можно селиться в общине, а кому нельзя. Вмешалась мать Розмари и кого-то умаслила, молодожены переехали, и до сих пор все шло довольно гладко. Филипп открыл практику в деловом центре городка и набирает клиентуру из цветных. Розмари ждет четвертого ребенка. Подбирает новые обои и пробует поселить своих двух

мальчишек в одной комнате; она уверена, что на этот раз родится девочка, а девочкам нужно уединение, ведь правда? Она пишет обо всех этих мелочах и вдруг рассказывает историю про крест. Даже с новой строки не начинает. Они с сыновьями возвращались как-то домой, темнело, время ужинать. Подъезжая к дому, Розмари краем глаза увидела пламя. Но не сразу поняла, что это, а когда поняла, затолкала мальчиков в дом, набрала ведро воды, потушила пылавший крест и спрятала в гараже.

На лужайке возле дома Розмари подожгли крест!.. Дальше идет рассказ про выбор обоев в детскую, вопрос о делах Ви, а потом Розмари прощается.

Ви поворачивается к зеркалу одной щекой, потом другой – смотрит, ровно ли легла пудра. В мыслях она начала писать ответ Розмари, но, кроме рассказа о своих обычных делах (вечеринка-другая, книга, которую она читает, уход от ответа на вопросы Розмари по части беременности), Ви не знает, о чем говорить. Если упомянуть крест, стоит ли почувствовать? Уместно ли? Вдруг Розмари не хочет, чтобы Ви касалась этой темы? Или (Ви наклоняется к зеркалу и подводит глаза) Розмари, наоборот, неловко беспокоить подругу, но втайне она надеется, что Ви расспросит ее о рассказанном? То есть почти обо всем – как Розмари сразу сообразила, что делать? Дети видели, как она тушила крест? Что она сказала им после? И что сказала мужу, когда тот пришел домой? Долго ли крест горел? Успел ли обуглиться? Как счи-

тает Розмари, поджигатели хотели навредить им или только напугать?.. Однако навязывать эту тему не очень-то умно.

Ви откладывает в сторону карандаш для глаз и берется за тушь, не глядя на часы. Если посмотреть, начнут дрожать руки. Хочется закурить сигаретку, но она довольствуется еще капелькой бурбона, красит ресницы изнутри, как учила мама. Если и писать о кресте, то просто выразить возмущение. Но Ви опасается, что и это прозвучит фальшиво. В-первых, Розмари, кажется, не очень-то расстроена («Не подливай масла в огонь», – говорила мать Ви. Учитывая обстоятельства, звучит крамольно, но верно). А во-вторых, на самом-то деле Ви не возмущена. Ведь ничего чудовищного не произошло, и Ви вовсе не шокирована. Да и Розмари наверняка не сильно удивлена. Она далеко не наивная простушка и знала, на что шла, согласившись стать женой еврея. Ви видела Филиппа дважды, и хотя Розмари была права, когда говорила, что он «современных взглядов» и не производит впечатления «религиозного», внешность выдает в нем иноземца. Ви восхищается смелостью Розмари: та всегда делала что хотела. У самой Ви ее скромные попытки неповиновения – таблетки, женская группа, споры с Алексом – вызывают неизбежное чувство вины и страх. Она не настолько смелая, чтобы пойти против собственной семьи, и стойкая – чтобы жить как отверженная, не говоря об ужасах вроде горящих крестов. Ви подкрашивает верхнюю губу и думает, какая же Розмари храбрая. И все же не исключено, что ее замужество

было ошибкой.

Макияж закончен. Ви поднимает брови, потом широко улыбается – улыбка естественная? – смотрит на ногти, поправляет ожерелье. Непроизвольные маленькие детали, совершенно привычные для нее, все равно что моргать. Они – олицетворение вечной женственности. Ви сушит волосы, вынимает шпильки, брызгает лаком и слегка прижимает, чтобы прическа не была слишком пышной. Берет в руки флакончик духов, палец на распылителе, и тут входит Алекс:

– Готова?

На лбу у него блестит пот, на щеках проступила щетина. Опять боится, думает Ви. Зато как хорош собой. По-настоящему красивый мужчина, знает, как носить костюм, и брюки на нем не болтаются, а руки – сильные, на них выделяются вены. Ви крепко целует мужа, поворачивается, и он застегивает молнию у нее на спине. Оба молчат, и молчание вызывает у Ви ощущение счастья, потому что, в конце концов, в этом и суть. Ведь так? Они и дальше будут устраивать вечеринки. И заниматься сексом, пьяные и чуть безумные, но только с презервативом. Может, Алекс еще раз привяжет ее к кровати, как делал пару раз. И тогда Ви получит удовольствие даже без его ласк. Невероятно... А утром дом приведут в порядок, и они сядут завтракать в обеденном уголке на кухне и читать газеты за кофе с мармеладными тостами.

Алекс заставляет ее повернуться перед ним. Кивает, довольный. Показывает на расстегнутые пуговицы на вороте ее

платья:

– Застегнись.

– Мне так больше нравится.

– Мне тоже, – отвечает он. Кладет руки ей на грудь, сжимает. – Застегнись.

Ви отворачивается к зеркалу.

– Уйди.

Муж у нее за спиной забирает пустой стакан, улыбаясь. Думает, что Ви шутит или кокетничает, и на мгновение она успевает засомневаться – может, и правда шутит. Хочется, чтобы так и было, хочется вернуться к мимолетному ощущению счастья. Какая мелочь – пуговицы. Сказать бы это вслух и добавить, что так лучше видно ожерелье – его подарок. Но Ви встречает взгляд Алекса и понимает, что он серьезен. Он хочет, чтобы она выглядела невинно. Хочет растлеть ее снова и снова, и чтобы каждый раз был как первые.

– Спускайся через пять минут, – говорит он. – И застегнись.

Ви застегивает пуговицы. От бурбона жжет в животе. Она смотрится в зеркало, чувствуя себя кусочком льда в шейкере. «Идеально выглядишь», – сказала бы ее мать. Ви и сама это видит, она миловидна и прекрасно одета, тем не менее это не помогает справиться с гневом, и вот Ви уже судорожно роется в ящике для белья, охваченная абсурдным страхом: а вдруг украли?

Ногти царапают деревянное дно, и наконец находка у нее в руках. Дорожный швейный наборчик. «Такой должен быть у каждой девушки», – сказала бабушка, вложив коробочку ей в руки шестнадцать лет назад. С тех пор Ви всегда брала его с собой, в колледж и в каждую поездку, но ни разу не открыла. На секунду она замирает в сомнениях, глядя на нетронутое содержимое под прозрачной крышкой (три белые картонные катушки, на каждую аккуратно намотаны нитки шести разных цветов). Срывает крышку. Отбрасывает в сторону нитки, вынимает картонку и выуживает снизу маленький пакетик с иголками, нитковдеватель («для лентяек», – мамины слова) и маленькие ножнички. Она ищет еще кое-что, для срезания ниток, как же он называется? Вспарыватель? Увы, в коробочке больше ничего нет, и Ви, схватив ножницы, снова бросается к зеркалу.

Расстегивает ворот и одну за другой срезает пуговицы – очень быстро. Торчащие нитки вытаскивает. Потом смывает пуговицы в унитаз и спускается вниз, встречать гостей вместе с мужем.

Сузы. Омовения посерьезнее

Сложно представить, на что готовы пойти прекрасные девы, чтобы предстать перед царем в достойном виде. Не просто часами натираются благовониями, скоблят лезвиями пятки, чтобы сделать их нежными, и целыми днями постигают искусство создания высоких, как башни, причесок. Они посвящают этим занятиям месяцы – втирают, полируют, умащивают и покрывают ароматными маслами каждый миллиметр тела. Никто не знает, когда именно царь изволит взглянуть на них. Отскобленную до красноты пятку снова придется скоблить через пару недель. Одна гречанка сравнивает их труд с сизифовым, и ее слова отражают общий настрой. Исчезло бывшее воодушевление от того, что их осталось всего сорок из многих сотен, атмосфера покоев, где их держат, теперь давит. Просачиваются слухи о других роскошных ночных покоях, где учат танцам и игре на арфе, и еще роскошнее – покои царских жен, с террасами для прогулок и множеством слуг. Говорят, есть и покои, которые летом переезжают на колесницах вместе с царским двором на север. Но девушек держат в самых низших покоях, наполовину скрытых под землей; единственное их занятие – приготовления.

Эсфирь ногтем большого пальца делает отметки на стене возле кровати, отсчитывая, сколько дней они здесь. Утром

было шестьдесят три, а когда она вернулась после маникюра, где ее отругали за искореженный ноготь, обнаружила, что отметки стерты. Глотая слезы, она поворачивается к остальным.

– Кто это сделал? – спрашивает она у девушек, которые стоят рядом. Они молча разворачиваются и уходят. Эсфирь недолюбливают. Она не усердствует в наведении марафета, отказывается от масел и благовоний и не пытается привести в порядок волосы, хоть они и отрастают быстрее, чем ей хочется. А ножниц не допросишься ни у евнухов, ни у Моны – смотрительницы ночных покоев. Вначале Эсфирь каждый день умоляла дать ей ножницы, и одна из девушек без спроса улеглась на ее кровать со словами: «Можешь не стараться, не дадут. Боятся, как бы мы себя не поранили». Эсфири понравилась эта искренность, и девушки подружились. Единственная подруга Эсфири – вавилонянка по имени Лара, страдающая от избытка волос на теле, который заметили только после того, как ее оставили в числе сорока финалисток. Волосы покрывают ее тело, будто шерсть, двумя полосами, от затылка к ягодицам и от пупка к лобку. Эсфири эти полоски кажутся красивыми, она знает, что в общине Ларе бы позавидовали. Здесь же всё сбривают. От ежедневного бритья у Лары на коже раздражение, но ее бреют снова и снова.

И Лара, и Эсфирь говорят на фарси, а еще у них есть общая цель: не стать царицей и вернуться домой. Так они решили в самом начале, когда остальные девушки были вос-

торге от того, что попали в число избранных, а покои казались раем. Все они из бедных кочевых племен. В богатых семьях смекнули, что властитель, разделавшись с царицей из благородных, будет выбирать себе следующую из другого теста. Ту, которой привычны тяготы и которая не станет задавать лишних вопросов. Никто не желал своей дочери судьбы Вашти. Настал черед девиц из нищих и бедствующих семей, сирот, дочерей шлюх, рабов и бунтовщиков, девочек, едва не проданных в рабство собственными отцами.

В первые пару недель Эсфирь и Лара нехотя признали, что в покоях и вправду живется проще. Вдоволь еды и вина. Матрасы толщиной с четыре лежанки каждый. Не нужно работать: таскать тяжести, готовить, стирать, возиться в огороде. Ходи себе на примерки, делай прически и притирания, примеряй украшения. Только готовься. Живи дальше.

Однако вынужденное безделье становилось невыносимым даже для тех, кто больше всех радовался, попав в число избранных. Все поняли, что находятся в рабстве, и свободной станет только одна из них. Девушки часто ссорятся, бранятся, как вороны, что не могут поделить добычу. Запасают прутья, ленты, мех и птичьи перья для высоких причесок – все, что им тайком приносят евнухи в обмен на кое-какие услуги. Ясно и то, что они уже работают в ночных покоях, хоть пока и не зарабатывают древнейшей профессией. Обманывают, воруют и делают друг другу гадости. Но в то же время заплетают друг дружке косы и по очереди разыгрыва-

ют спектакли театра теней о царе и царице Вашти, смешат друг друга. Приходится, иначе сойдешь с ума. К этому они тоже привыкли.

Ночные покои совсем не такие, как думал Мардук. Не страшная тюрьма и не роскошные купальни. Не порок и не целомудрие. Как всегда в жизни, достаточно и того и другого.

В отличие от остальных, Лара и Эсфирь убеждены, что избранная царицей не обретет свободы. Лара из племени, где царят анархия и жестокость, а кто стремится к власти (неважно, мужчина или женщина), долго не живет. Дворец, говорит Лара, всего лишь красивая картинка с царицей, которую на деле ждут страдания и несчастья. Эсфирь видит все не в таком мрачном свете, но согласна с Ларой. Еврейская община воспитала в ней недоверие к тем, кому все поклоняются, а родители научили осуждать тех, кто стяжает богатство и власть. Обе подруги верят, что другие девушки им не ровня, по разным причинам, а в случае Лары – и во все без причин. Вместе они придумали еще один возможный исход событий – побег. Каждая выбрала евнуха и старается его умаслить. Евнух Эсфири – высокий и очень худой, с полуопущенными веками и мягким ртом, как будто все время спит на ходу. Эсфирь разрешает ему смотреть. Они встречаются в бельевой комнате, и Эсфирь трогает себя на его глазах. Пока только за одну грудь. Потом будут обе груди. Потом поднимет подол. Оказывается, евнухи совсем не жено-

подобные. Не говорят высокими голосами, что бы ни писали историки. И вовсе не бесполое! Эсфирь видела, как несколько евнухов силой заставили одну из девушек лизать одному из них зад, как засовывали пальцы куда придется, заставляли ложиться под них на пол в отхожем месте. Евнух Эсфири, по крайней мере, не из таких. Его зовут Бараз, и Эсфирь выбрала его, потому что сразу, как будто аромат, почувствовала: он не предаст. Пусть она еще не совсем ему доверяет, зато верит себе. И он касается ее только глазами. Нужно постепенно взбудоражить и возбудить его до такой степени, чтобы он был готов для нее на все. И когда царь сделает окончательный выбор (и это будет не Эсфирь), она найдет Баразу и скажет: «Выведи меня отсюда. Делай со мной, что хочешь. Я на все пойду, только отведи меня обратно в лагерь». А он к тому времени так истомится от желания, что будет согласен.

Лара выбрала своего евнуха из-за его белой кожи. Он такой бледный, словно не до конца сформировался. Лара подумала (и угадала), что ему понравится пушок у нее на теле. Она разрешает ему полежать в ее кровати, прижавшись грудью к ее спине или спиной к ее животу. Они просто лежат рядом, ничего сверх того. И ради этого он уже тайком носит ей чай, который Ларе запрещают пить, потому что, как говорит Мона, от него волосы растут быстрее. У Лары свой план, как и у Эсфири.

Обе понимают – возможно, их планы наивны. Никакого опыта в таких делах у них нет. Они не владеют тайными зна-

ниями, и все, что у них есть, это вера в собственную исключительность. Одной из них эту веру внушили родители, которые теперь мертвы, второй – ее пещерное племя. Впрочем, им почти всегда удается подавлять и сомнения, и отчаяние, возникшее в первый же день во дворце. Порой отчаяние доходит до высшей точки, вот как сейчас, когда Эсфирь сидит, глядя в стену, туда, где были отметки. Кто-то стер их – словно ударил под дых. В голове теснятся вопросы, она пытается найти ответы на них с тех пор, как попала сюда. Почему не сбежала ночью, когда дядя сказал, что отсылает ее? (Побоялась одна бродить по пустыне.) Почему ничего не сделала в тот день у ворот, когда охранники молча забрали заготовленный Мардуком инжир: не закричала, не устроила сцену, чтобы ее выгнали? (Испугалась, что ее просто убьют.) С чего Мардук взял, что, если узнают, из какого Эсфирь племени, будут неприятности? (Верил, что никого не угнетают так, как иудеев.) Теперь она живет среди полукровок и совсем безродных, а его страх кажется смехотворным. И зачем царю после такой благородной царицы, как Вашти, которая была обучена даже искусству стрельбы из лука и охоте, искать спутницу из простолюдинок и бедуинок? Из женщин, которые могут предложить лишь свои тела (ведь больше у них ничего нет).

– На что уставилась?

Лара вернулась после очередного бритья, ее подбородок красен. Она ложится на кровать рядом с Эсфирью.

– Мои отметки, – отвечает Эсфирь.

– Стерли? – Лара переворачивается на бок, лицом к Эсфири.

– Посмотри! – Эсфирь подталкивает колено Лары своим: «повернись».

Лара качает головой.

– Я так устала... Верю.

Лара закрывает глаза. Эсфирь рассматривает знакомый рисунок вен на ее веках, раздраженную кожу на подбородке и над верхней губой. Как-то раз, наедине с Моной, Эсфирь спросила, почему Лару не отправили домой. Чтобы задать этот вопрос, ей потребовалось все ее мужество, ведь без Лары Эсфирь осталась бы совсем одна. Мона равнодушно (будто у нее спросили, где ночной горшок) ответила, что это значило бы признать поражение. К тому же царский советник любит круглые числа.

Эсфирь кладет руку на подбородок подруги и слегка сжимает, как та научила, плавно, от основания ладони к кончикам пальцев. Лара затихает. Потом ее лицо становится довольным.

– Спасибо, – говорит она, не открывая глаз, и тоже касается Эсфири коленом. – Жаль, что твои отметки убрали. Сколько было?

– Шестьдесят три.

– Считая сегодня?

Эсфирь задумывается. Дни мелькают, сливаются... Она

поэтому и вела счет.

– Не знаю.

Болтая и смеясь, входят девушки. Одна из них спрашивает другую о ее хромоте, та отвечает, что это из-за педикюра, но тут третья говорит: «Да ты ж пьяная», – и они смеются громче. Лара открывает глаза для того, чтобы закатить их, и Эсфирь тоже начинает хихикать. Они с Ларой переглядываются, пока остальные обмениваются насмешками. Вскоре разговор перетекает в пересуды о царице Вашти. Эта тема неисчерпаема, одно и то же пересказывают по многу раз, потому что никто толком не знает, что же произошло на самом деле. Каждая из рассказчиц доходит до кульминации, оглядывает остальных и улыбается.

Начинается спор:

– Неужто она еще жива?

– Нет.

– Да! На ней женили осла.

– Вот и нет! Ей отрубили голову.

– Нет же, ее забили камнями.

– А ты откуда знаешь?

– Брат сказал...

– Можно подумать, он у тебя при дворе. Ты же из Фарны.

– Точно вам говорю, ее заживо закопали!

– Представляете?

– Я слыхала, ее посадили на кол. Говорят, видели, как она там торчала...

– Тебя послушать – все торчат.

– Ха-ха-ха!

Девушки смеются. Каждая либо уже попробовала опиум, либо видела, как его принимают другие. Эсфирь и Лара – среди вторых. Подбородок Лары дрожит в ладони Эсфири, а глаза снова закатываются, и Эсфирь хихикает еще громче.

– А я другое слышала, – говорит одна из девушек. – От Матушки Моны.

– От Моны?! Да она ест – и то рот еле открывает. Как это ты ее разговорила?

– Ой, заткнись!

– И что же она сказала?

– Она не про казнь говорила, а про то, за что казнили.

– Ну?

Лара снова закрывает глаза. Ей нехорошо от бритья и от недостатка солнечного света. Она говорит, что чувствует себя старухой; иногда, как сейчас, Лара и внешне напоминает старуху. Губы пересохли до трещин. Наверное, завтра их намажут очередной мазью с вытяжкой из копыта неизвестного зверя. Эсфирь переводит взгляд за окно, на стену дворца и узкую полоску пурпурного неба.

– Я думала, из-за проказы, – продолжает одна из девушек.

– Это все рассказы прокаженных.

– Я тоже слышала... Она переспала с царским советником! Ясное дело.

– Затащила евнуха к себе в царское ложе.

– И разболтала царские тайны!

– Мне мама говорила, что Вашти царя пыталась отравить.

– А потом тебя отправила занять ее место?

На мгновение все умолкают. Эсфирь смотрит, как к стене подлетает черная птица с желтыми крыльями, и тут же исчезает в сумраке.

– Так рассказать вам, что Мона говорила? Царь устроил пир семидневный и велел Вашти оставить пир для женщин и прийти показаться царю и его людям – в короне.

– Ну, и?

– Ты не понимаешь, что ли? *В короне*, и всё. Нагишом.

– Почему нагишом-то?

– Так Мона сказала. Мол, он велел царице явиться в короне, а она возьми да и откажись, и тогда...

– Ерунда. Могла бы сначала спросить, что он имеет в виду, когда говорит «в короне». Может, он ничего такого не требовал. Выдала желаемое за действительное.

– С чего бы она стала такое желать?

– Может, из ревности?

– А может, он так и сказал – прийти голой.

– Будь я на ее месте, я бы пошла.

– И я. Уж под страхом смерти – точно.

– Откуда ей было знать про смерть?

– Я бы все равно пошла.

– Не может же царица взять и пойти голой. Как шлюха!

За это покарают.

– Ее и так покарали.

– Много ты понимаешь про цариц.

– Я слыхала, у нее был хвост.

– Хвост?

– Как у осла.

– Говорят, она не могла иметь детей.

– Это чистая правда, а не слухи.

– А может, и про царя правда, мол, он совсем не царских кровей? Сама-то Вашти была из благородных. А он служил у ее отца, знатного вельможи.

– Как бы до такого дошло, а?

– И откуда Мона знает эту историю про корону?

Начинают сплетничать о чем-то другом. Эсфирь снова толкает Лару коленом:

– Не спишь?

– Угу.

– Лучше?

– Угу.

Эсфирь убирает руку с лица Лары.

– А я думаю, она все понимала, – шепчет Эсфирь. – Знала, что он зовет ее голый и что будет, если откажется. А все равно отказалась. Освободилась. И мы освободимся.

Лара пожимает плечами:

– Ну, если мы так же «освободимся», как она...

– Нет же, глупенькая. Я не это хотела...

Но Лара отворачивается, прижимается к Эсфири спиной

и выразительно вздыхает, словно говоря: хватит болтать.

Вашингтон. Одним миром мазаны

Сумерки. Невероятно теплый ноябрь. Сенатор с супругой на ступеньках у парадного входа приветствуют гостей: поцелуи, рукопожатия, приглашения проходить – мужчинам на первый этаж, женщинам наверх. Похоже, никто не возражает и даже не удивляется новшеству, хоть об этом сложно судить, имея дело со светской публикой, – невозможно понять, что они на самом деле думают.

На северную часть Дамбартон-стрит потихоньку спускается тьма. Ви рассматривает напудренные лица дам в фиолетовых сумерках, и душа ее снова уходит в пятки. После внезапного порыва с пуговицами она испугалась и в последний момент повязала на шею белый платок. Ви слышит собственный голос: «Здравствуйте, добрый вечер, здравствуйте», – и сердце словно падает вниз, еще глубже, чем раньше. Вот-вот начнется ее женская группа; все, наверное, уже собираются и крепко обнимают друг друга. Никаких натянутых улыбок, залитых лаком причесок, узких туфель и болтовни ни о чем, лишь глубокие беседы о важном, о самореализации. Там Ви рукоплескали бы за выходку с пуговицами и поморщились бы, расскажи она о женщинах с нынешней вечеринки.

Но вскоре она обо всем забывает. Приветствия окончены, Алекс устремляется за Чемоданником. Заметил ли он пуговицы? Ви идет наверх – напитки льются рекой, гостиная за-

драпирована и украшена цветами, трио музыкантов играет джаз, а златовласые официанты разносят на золотых подносах джинс с тоником и пунш.

Спустя полчаса Ви плывет по залу и чувствует себя прекрасно. Вечеринка выходит еще грандиозней, чем она ожидала, женщины курят и кружат друг против друга, как боксеры на ринге. Кажется, даже платья в этот раз короче, чем раньше, а одна женщина – жена конгрессмена из Далласа – и вовсе в брючном костюме, под которым новомодное белье. Туфли у нее на высоченных каблуках, хотя и без них она ростом с мужчину, а костюм просто невероятен. Один его вид раскрепощает. Ви стягивает платок, повязывает на изогнутый светильник, и вот уже банальный предмет интерьера обрел экзотический вид, а Ви снова обрела могущество. Царица! Она берет прикуренную сигарету из чьих-то рук и осваивается в новой реальности, пользуясь ролью хозяйки и нигде надолго не останавливаясь. Как только Ви наскучивает беседа, она извиняется и движется дальше. Златовласый юноша забирает из ее рук пустой бокал и протягивает новый, Ви делает большой глоток и смеется вслух, а чуть позже оказывается, что она слушает разговор про Поправку о равных правах. Разговор идет не о том, включают ли ее в Конституцию, это тема для мужчин, хотя чей-то муж слышал, что штат Мэн примет ее следующим. Всех интересует, изменит ли поправка что-нибудь реально. Одна женщина заявляет, что решение Верховного суда по делу Роу против Уэйда на-

много более значимо, а поправка – одна видимость. Другая возражает, что для начала и это неплохо, а третья утверждает, что изменения «для вида», наоборот, задабривают протестующих и мешают прогрессу. Ви плывет дальше, купаясь в веселье. Тут дело не только в джине, думает она, хотя на секунду ей приходится остановиться и опереться на оказавшийся поблизости стул. Это оттого, что они все спорят. Язвят и подначивают друг друга, а дымящиеся сигареты окутывают гостиную клубами дыма. Здесь мое место, думает Ви, а не в женской группе с их беседами в круге, красным вином и лицами без косметики. Сейчас участницы группы кажутся ей такими же далекими, глупыми, как их наряды, и слабенькими, как их самокрутки с травой. Еще и некрасивыми. Ви проходит мимо двух женщин, увлеченных жаркой беседой, и вспоминает, как познакомилась с ними на званом завтраке Клуба жен сенаторов. Ви было двадцать пять, они немногим старше, но вели себя так же робко. Все время просидели, не сказав ни слова, будто куклы. А теперь без стеснения пританцовывают под музыку и спорят, перекрикивая ее.

Они восхитительны – жены политиков и больших начальников, тигрицы, которые не боятся громко заявить, когда не согласны с собеседницами. Не щадят ничьих чувств и откровенно наслаждаются властью и умением дергать за ниточки повелителей свободного мира. Ведь и бабушка Ви была женой губернатора, а мать – женой сенатора, и сама Ви – жена сенатора. Так с чего она решила, что может быть другой?

Она переходит от одной группы спорщиц к другой в клубах дыма, гордости и самодовольства, думая (возможно, вслух): «Ты только взгляни на них!» Они не просиживают на диванах с болтовней о свободе. Они уже свободны, и Ви – одна из них.

* * *

Внезапно настроение меняется. У Ви сосет под ложечкой от голода. Мысли путаются: «Джин для восторга, еда для удовольствия, а дети для...» Где же официанты с их золотыми волосами и подносами? Кое-кто из дам уже пустился в пляс, но Ви не может – слишком хочется есть, или она пьяна, гостиния начинает казаться тесной. Низ живота сводит судорогой, и вновь становится страшно. Дама, прокомментировавшая дело Роу против Уэйда, была права. Ви знает двух женщин, которые смогли сделать аборт в этом году, и не тайком в гостиничном номере или в Нью-Йорке (где аборт легален), а у врача. Одна из них – жена конгрессмена, вторая – из женской группы. Впрочем, для Ви дело не в законности. А в том, что она себе такого не позволит. У нее есть муж, средства и здоровье. Ни единой уважительной причины.

За барной стойкой звенит разбитое стекло, бежит официант, но без подноса с едой. Ви растерянно смотрит по сторонам. Ее взгляд задерживается на заду официанта, проносящегося мимо. Ви вот-вот потеряет сознание, с трудом при-

шла в себя. Позже, когда протрезвеет, надо будет написать Розмари и в красках изложить сегодняшний вечер.

– Здравствуйте.

Ви оборачивается, улыбаясь. Перед ней стоит жена президента чемоданной фирмы, того самого, в чьих руках судьба Алекса. Ви улыбается шире и с ужасом осознаёт, что забыла имя собеседницы. Они даже репетировали с Алексом. Марк Фиорелли с супругой Как-ее-там... Хрупкая женщина в синем платье, пышная прическа как блестящий шлем. Ви пожимает узкую ладонь, так и не вспомнив имени, улыбается как можно шире, надеясь про себя, что со стороны это похоже на приветливую улыбку, а не на голодный оскал.

– Большое спасибо, что пришли! – восклицает Ви.

– Мы не могли пропустить такое событие! – кричит в ответ безымянная жена. – Поздравляю с поправкой!

– Да! – Ви с возгласом поднимает бокал.

Они чокаются, Ви делает глоток, пытаясь сосредоточиться на жене – та явно изучила программу Алекса. В то же время краем глаза Ви отчаянно ищет официанта с закусками.

– Спасибо, мой муж придает огромное значение равноправию. Он на все готов...

Мимо проплывает поднос с едой. Ви бросается к нему. Тарталетки с айвой. Хватает одну, вторую.

– ...ради женщин, – продолжает она, пытаясь говорить, улыбаться и жевать одновременно. – Ну, вы понимаете. Ради нас он на все готов.

– М-м-м, – отвечает жена Чемоданника.

Ви чувствует всплеск злости. Почему эта пигалица не представилась? На вечеринках все только и делают, что твердят свое имя, так принято. Кто-то забыл, кто-то пьян. Надо играть по правилам! Но у этой дамочки, похоже, свои правила. Ви открывает рот, собираясь спросить собеседницу о семейных делах. Она почти уверена, что у них с Чемоданником трое детей. Или двое?.. Потом вспоминает правило, которому научила ее мать: «Политическое прежде личного». Если начать расспрашивать про детишек и собачек, собеседник решит, что ему заговаривают зубы, и заподозрит неискренность. Лучше сразу перейти к делу, раскрыть намерения, и тогда поверят, что ты не только политической возней занята. Мама ужасно гордилась этой своей придумкой из разряда «психологии навыворот».

Ви знаком подзывает мальчика с таргалетками (нарушая очередное мамино правило: не есть на собственных приемах) и говорит жене Чемоданника:

– Я слышала, ваш супруг теперь в раздумьях?

Взгляд собеседницы становится жестким.

– Не о чем раздумывать.

Она говорит тише, так что Ви приходится наклониться к ней, чтобы расслышать.

– Есть прекрасный кандидат, очень перспективный, из Вестерли...

– Многообещающе, – резко произносит Ви и хватает с

подноса очередную тарталетку. Чувство голода отступило, и даже мысли прояснились. – А почему вы считаете, что он сможет победить?

– Победит, если муж так захочет.

– Понимаю.

Ви останавливает ближайшего официанта и жестом просит салфетку, пользуясь паузой, – что же происходит? Почему эта женщина ей угрожает? Даже если ее муженек и намерен поддержать конкурента, при чем тут Ви? Она медленно промакивает губы и тянет время, обводя взглядом зал. Дама в брюках прислонилась к стене и беседует с женой конгрессмена Хаскелла. Жена посла размахивает сигаретой перед носом жены чина из ООН. Златовласый парнишка наматывает круги с очередной порцией напитков на подносе. Жена Чемоданника совсем умолкла, и Ви решает, что разговор окончен. Она задумывается, как описать диалог в письме к Розмари: «Уж с таких медовых речей начала – и не заметишь, как вляпаешься. “Мы не могли пропустить такое событие!” Фу-у-у!»

Вдруг, не глядя на Ви, женщина говорит:

– Я давно знакома с вашим мужем.

– Вот как? – Ви не удивлена. И Алекс, и жenuшка эта из Род-Айленда. Штат невелик.

– Вы учились вместе? – спрашивает Ви.

– Нет.

Ви ждет. Женщина безучастно смотрит по сторонам. «Яс-

но... значит, интрижка», – думает Ви. Ну и что? Она прекрасно знает, что у Алекса были другие девушки до нее. Узнай она даже, что у него есть любовница, не особенно удивилась бы. Обидно, конечно, – но что толку разыгрывать невинность, она прекрасно знала: ему даже по статусу положено. Отец Ви крутил романы на стороне. Да и дед, наверное.

– Ну, что ж, – говорит Ви. – Приятно было с вами поболтать...

– Поправка – невеликий труд, знаете ли.

– Что, простите?

– Поправка. Невелик труд. – Женщина чеканит слова, словно пытается прорезать зубами воздух, и тут Ви понимает – то, что она приняла за скептицизм, на самом деле враждебность.

– Не понимаю, о чем вы, – говорит Ви. – Это конституционная поправка.

– Да-да. Клочок бумаги.

Ви растерянна. Все доводы, услышанные ею раньше, кажутся фальшивыми. Она замечает, как женщина в брючном костюме сползает по стене, а жена Хаскелла склоняется над ней, и они сливаются в поцелуе. Ви почти уверена, что это поцелуй. Мимолетный. Страстным его не назовешь. Но и простым приветствием тоже. Их тела почти касались друг друга... В висках у Ви стучит кровь. Миниатюрная жена Чемоданника сверлит ее гневным взглядом. «Ты – хозяйка до-

ма, можешь отлучиться под предлогом», – напоминает себе Ви.

– Простите, мне...

Женщина хватает ее за руку:

– Скажем так, ваш муж... тогда, давно... ну, когда мы *знали* друг друга. – Она сильнее сжимает руку Ви. – Он не был джентльменом.

* * *

Ви и понятия не имела, что в это самое время внизу, беседа с президентом чемоданной компании, ее сенатор имеет бледный вид. Алекс угощал его сигарами, то и дело подливал ему «Гленlivet» тридцатилетней выдержки и без усталости щелкал пальцами златовласым официанткам, чтобы поднесли еще гребешков. Он убалтывал Марка Фиорелли уже без малого час, но тот так и оставался холоден, за все время двух слов не проронил. Алекс превосходит его во всем: подтянут, в то время как у Фиорелли наметилось пузико; Алекс наполовину «белая кость», наполовину ирландец, Фиорелли же – полуирландец, полуитальянец; Алекс уже в Сенате США, а у Фиорелли всего лишь один президентский срок в Торговой палате города Провиденс и прилегающих территорий. В самом маленьком штате страны. Да и лысеет по-идиотски – начиная с макушки, хотя даже челка еще на месте. От этого он смахивает на монаха. Но именно Алекс вынуж-

ден подлизываться к этому типу, как будто тот не чемоданы продает, а жизненно важные лекарства. Как будто его двести подчиненных кормят всю страну. Сенатор настолько жалок, что сам себе отвратителен. Он никогда не позволял себе быть жалким! Даже когда Ви сказала, что принимает таблетки, он не подал вида, скрыл от нее, как изумлен. Разумеется, он обижен, но какой прок в обидах? Позволишь чувствам взять верх – не сможешь действовать, забудешь, что главное – победить.

Алекс переходит к новой стратегии:

– А расширяться не думаете? Знаете старые фабричные здания в Потакете? Бесплатно, конечно, не обещаю, но могу поговорить с...

– Давайте-ка начистоту. – Фиорелли оживает. Обвисшие щеки багровеют, глаза сужаются. Он кладет руку Алексу на грудь. Алекс стряхивает ее. Фиорелли кладет ее на то же место. – Вы спали с моей женой.

В груди у Алекса как будто не осталось ни воздуха, ни даже легких. Почему он решил, что Фиорелли зол из-за чего-то другого? Но кто же рассказывает такое мужу...

– Я не...

– А если спросите, она вам скажет, что это было против ее воли.

Официантка останавливается возле них с подносом, и Алексу хочется ее ударить. Не такие уж они хорошенькие, особенно вблизи. У этой толстый слой косметики на лице. В

детстве небось страдала от прыщей. Алекс качает головой, и она исчезает... Не помнит он, чтобы жена Чемоданника была против. Миниатюрная блондиночка, красивый маникюр. Диана. Разве она не хотела? Она и вполовину не так красива, как Ви, даже не симпатичная. Но с Ви он тогда не был знаком. Диана же сама пришла к нему в номер тогда, в отеле. Разве это называется против воли?

– Я не понимаю, что вы...

– Так. – Фиорелли стоит вплотную к Алексу, тыча пальцем ему в нос. – Хватит с меня этого дерьма. Никогда я не лез в политику. И старик мой не лез, да и дед тоже. Не нашего ума дело. А теперь вот полез. И всем неймется узнать, чего мне надо, каков мой интерес. А интерес такой: *не нравишься ты мне.*

* * *

Наверху танцующих становится больше. Одна из женщин сидит у саксофониста на коленях. Ви разлеглась на диване. По ее просьбе принесли еще закусок, она сыта и довольна, желудок набит коктейльными креветками и сырными шариками. Она замечает в поле зрения туфли жены Чемоданника, но не желает поднимать глаза и встречаться с ней взглядом. И что ее зациклило? «Не был джентльменом». Что такого Алекс сделал, пальцем в задницу ей залез? Придушил, пока она его ублажала ртом? Вряд ли что-то, чего он не пробовал

с Ви. Бывает, что ей тоже сначала не хочется, а потом нравится. Еще неизвестно, во что эта катавасия выльется для Алекса.

Ви курит, потягивает очередной джин с тоником и болтает ни о чем с женой конгрессмена Флинта. Мужчину в зале она замечает, только когда глава администрации Алекса опускается на колени и наклоняется к ней.

– Миссис Кент? – говорит он вполголоса.

Неожиданно для самой себя Ви понимает, что ущипнула его за щеку.

– Да, Хамп?

«Ему уже тридцать, а значит, он старше, но до чего же хорошенький, – думает она внезапно. – Блондин, веснушки... Что за прелесть! Хамп. А полностью – Хамфри Самнер Третий».

– Миссис Кент, сенатор имеет честь пригласить вас.

– Как формально! – смеется Ви.

– Так он просил сказать.

– Я полагаю, он имеет честь пригласить нас всех? – отвечает она иронично, с легким британским акцентом, и хихикает. – Всех дам?

– Только вас, миссис Кент.

Ви протягивает ему сигарету.

– Ну, так! – восклицает она, поднимаясь с дивана. На мгновение замирает (кружится голова), потом видит, что на нее уставилась жена Чемодан-ника, и выпрямляется. –

Это, пожалуй, любопытно. – Собственный голос слышится ей будто со стороны. – Так.

И еще раз:

– Так.

«Так, так, так», – говаривала ее бабушка, когда хлопотала по дому, заправляла кровати или готовила ужин. А позже, постарев, – пока искала забытые вещи, не желая признавать, что забыла, где они. «Так» – слово, на которое можно опереться. А мать Ви вместо этого напевала, без слов: «М-м-м». Присев перед холодильником, чтобы достать овощи или поднимаясь после «М-м-м». Будто это помогало управиться с делами.

Ви отдает свой бокал миссис Флинт.

– Так. – Встречается глазами с женой Чемодан-ника и, осмелев, пересекает гостиную горделивой поступью.

– Иду! – объявляет Ви. – Дамы, пожелайте мне удачи! Если не вернусь через час, обещайте, что придете меня спасать.

Бруклин. Другая вечеринка

В центре кухни красуется гвоздь программы: массивная бирюзовая швейная машинка шестидесятых годов. Кайла, хозяйка дома, рассказывает каждой новой гостье про год выпуска машинки и объясняет, что при должном уходе старые машинки превосходят современные. Потом добавляет, что швейная машинка принадлежала ее бабушке, а все охают и ахают, и Лили вместе с ними, хотя вид машинки внушает ей ужас. Она-то думала, что швейная вечеринка будет с иглками и наперстками. Разрезали бы пару кусков материи, может, научились бы подшивать края, чтобы не лохматились. А потом Лили завернет девочек в то, что получилось, наподобие тоги, – и все дела. Но Кайла даже выкройки разложила, и, кажется (выкройки эти еще попробуй расшифруй!), они для настоящих платьев, с рукавами и горловиной, а одно даже с карманом. Лили хочется прошептать: «Откуда у Эсфири взяться карманам?»

Однако Лили не так уж хорошо знает остальных женщин – вдруг не оценят сарказм? А когда они засыпают Лили вопросами, становится ясно, что друг с другом они знакомы очень близко. Их единение чувствуется сразу, видно, что они часто собирались вот так, по разным поводам и на разных кухнях. Дружная компания... У Лили тоже есть такая, но они с подругами ни за что бы не позвали к себе незнакомого

человека, вино у них не такое хорошее и атмосфера не такая радостная. В их домах нет отдельных игровых комнат, как у Кайлы. Зато в компании у Лили женщины с разными фигурами, волосами, цветом кожи. Они хорошо знают, что многое отличает их от таких женщин, как Кайла с подругами. И пользуются этими отличиями: вино подешевле, якобы чтобы тратить деньги на вещи поважнее, малюсенькие квартирки и волосы без следов укладки дают чувство превосходства. Они считают себя более искренними, настоящими, чем женщины из компании Кайлы. Эти женщины, двум из которых на вид не больше тридцати трех лет (на *тринадцать* лет моложе, чем Лили!), чуть ли не с восторгом интересуются, как давно Лили живет в этом районе, сколько лет ее детям, работает ли она и чем занимается ее муж. Лили, ошеломленная и смущенная вниманием, отвечает, как может. И думает: если собрать всех этих женщин и ее подруг вместе, как просто было бы угадать, какая из какой компании. От этой мысли становится грустно, ведь значит, все мы носим своего рода униформу и за внешними различиями (женщины с укладками и в бриллиантах против Лили и ее подруг с их грубыми браслетами и ботинками) скрываются другие, более интимные (как интимные прически) и более глубокие – в том, что они думают и чувствуют. Одна из женщин, услышав, что раньше Лили преподавала в колледже, восклицает: «Какая прелесть!», – и Лили злится, чувствуя себя униженной. Она выходит из кухни, якобы взглянуть, как там дети, и

втайне надеется, что одна из девочек приболела и они смогут уйти домой. Увы, дети самозабвенно лепят из пластилина за огромным низким столом, изготовленным наверняка где-нибудь в Финляндии. Сначала Ро, а затем Джун поднимают головы, у обеих невозможно счастливые лица. Лили охватывает нестерпимая любовь к ним, как бывает, когда они спят или когда Лили трогает пухленькую ножку Джун, а еще когда Ро соглашается вместе читать книжку. Кажется, это чувство могло бы длиться вечно, будь у Лили такая квартира и такой стол для детских игр. Она улыбается и машет дочкам, и они снова принимаются за игру, отвернувшись одновременно, как довольные финские коровки.

На кухне Кайла просит Лили быстренько просветить всех насчет Пурима (и произносит «Пур-и-им», как Адам когда-то). Лили едва не начинает оправдываться, одновременно смущенная и рассерженная из-за того, что она – единственная еврейка в компании. Она сбивчиво рассказывает краткую историю праздника, и выходит вот что: «Сплошное пьянство и женоненавистничество, в то же время поклонение женщине, что по сути своей тоже форма женоненавистничества, а еще непонятный царь, добрая царица и злобный советник; в честь праздника устраивают представление, а потом карнавал, и пекут треугольное печенье, все празднуют, что предотвратили гибель евреев...» К концу рассказа Лили сама уже смотрит на праздник по-другому и заканчивает фразой: «Это что-то вроде бурлеска».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.